

18+

Евгения Палехова

ПРЯМО И НАЛЕВО
роман

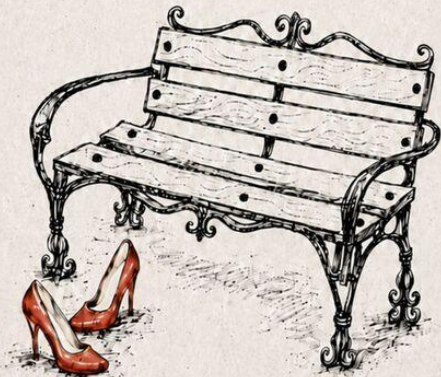

Иллюстрация: Ангелика Главицкая

Евгения Палехова

Прямо и налево. Роман

<https://litres.ru/74590348>

ISBN 9785007143141

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

О себе говорить легко. Особенно, если говоришь неправду. А что делать, если крылья разворачиваются во все полтора метра только после третьей смерти главной героини?

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Часть I	9
МАРГО	9
2008 — Бренд в тренде	9
1991 — Полёты	32
1992 — Мой папа не умер	56
2002 — Детки в клетке	79
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Прямо и налево Роман

Евгения Палехова

Редактор Лейла Шахназарова

Иллюстратор Ангеллика Главицкая

Дизайнер обложки Наталья Левина

© Евгения Палехова, 2026

© Ангеллика Главицкая, иллюстратор, 2026

© Наталья Левина, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-4314-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#####*Маме*

I ЧАСТЬ

МАРГО

2008 - БРЕНД В ТРЕНДЕ

1991 - ПОЛЕТЫ

1992 - МОЙ ПАПА НЕ УМЕР

2002 - ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

ПРЫЖОК В РЕКУ

МАРГО_01

2005
СМОРОДСКА ОСТАВЛЯЮЩАЯ УЛОВКА

2008 - НЕ! ДА

2018 - ЭТО ПРОСТО БУКВЫ

II ЧАСТЬ

МАРА

2010 - Я И МОИ ДЕТИ

ДЛИННЫЙ ПРЫЖОК
В АНГДР

МАРА_01

2010 - СМЕРТЬ-МАТУШКА

1992 - МОЙ ПАПА УМЕР, ЗАБЫВШАЯ, ПАПА!

2002 - Я И МОЙ МУЖ

2018 - Я И МОИ ДОЛГИ

2028 - Я И МОЯ РОША

III ЧАСТЬ

ПУТКА

2018 - КАКАЯ ТЫ НЕЛЕПАЯ!

ПРЫЖОК В РЕКУ

ПУТКА_01

2018 - КАКАЯ ТЫ НЕЛЕПАЯ!

1991 - ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

1992 - МОЯ МАМА

2002 - НУ РАЗВЕ МЫ НЕ ДУШКИ?

2028 - ЕЕА СТРАНИЦА БЕЗ АДАМА

Пролог

Каждый раз, когда я смотрю на свои руки, я думаю — нет! я переполняюсь уверенностью, что я — обезьяна. Мелкая, глупая, суетливая шимпанзе. С чёрными лапками. Если перевернуть такую лапку, то ладошка поражает количеством, каким-то даже переизбытком линий. Чёрная глянцева кожа, такая нежная на вид, такая неестественно натянутая, если погладить, и мелкие чёрточки, не складывающиеся в рисунок, а скорее пытающиеся опровергнуть сам факт наличия композиции в этой жизни. Вот такая у меня ладонь. Обе ладони.

Если верить хиромантам, которые, полагаю, в своё время тоже кому-то (и боюсь, что на слово) поверили, то судьба человека в точности, до мельчайшего поворота и сломанного ногтя, прописана на ладони. Эта живая морщинистая книжка может дать ответы на простейшие вопросы — что было (ну если у тебя, к примеру, отшибло память), что будет (если ты, к примеру, жаждешь стабильности), что есть (то есть клинический случай, когда человек сам не в курсе происходящих с ним событий). Если это так, значит, самое эмоционально развитое и психологически подвижное существо — это обезьяна. Мелкая, глупая, суетливая шимпанзе. Которая не знает, что такое гонка даже не за баблом, а за возможностью его заработать, но, видимо, находится в центре событий

куда более ярких, — так по крайней мере говорят линии на её ладошке! Которая совсем не знает, что такое одежда и как с ней нелегко, особенно если это твой личный пунктик. И которая совершенно точно не знает, что такое любить. Нет, я не отказываю бедной обезьянке в желании любиться и в умении находить партнёров, когда желание любиться хватает её за её маленькое причинное место! Я говорю о том, что вытворяют люди (я всё же человек), когда желание любиться хватает их за их маленькое причинное место.

Я училась в пятом классе, когда моя подружка, уже не помню почему, обратила внимание на мои ладони. Она так прямо и сказала, точнее, воскликнула дурным своим высоким голосом: «У тебя ладони как у обезьяны!». Пришлось парировать так же громко, что лучше ладони как у обезьяны, чем обезьяний мозг, — как в её случае! Люди, особенно маленькие, такие жестокие. И я, при всей своей «гипюрности» и «ванильности», была такая же. На уроке я тайком поглядывала на свою ладонь и так же тайком пыталась посмотреть на ладонь вечно хмыкающего соседа. Я чувствовала себя физически ушибленной. Странно, вот огромное количество родинок на моём теле у меня не вызывало такого ощущения. Наоборот, мне казалось, что это так классно — вот тут родинка, вот тут, и ещё вот тут. Но ладони!.. Запомнила. И, к сожалению, на всю жизнь. А поскольку уравновешенность моя подлежала и подлежит большому сомнению того гипотетически грамотного психиатра, что меня никогда не осмат-

ривал, а жизнь полна событий, на большинство из которых так и хочется плюнуть в лицо судьбе: «А почему?!», — ладони мои стали отправной точкой поиска. Поиска веры. Хотя за что-то, но надо держаться в этой жизни, чтобы сохранить свой великолепный мозг в относительно рабочем состоянии.

И вот к чему я пришла. Не без помощи бережно хранящей меня от крупных катастроф и участливо подсовывающей мне каждую неделю катастрофки судьбы. Кстати, почему я так часто употребляю именно это слово — именно этот набор букв, для обозначения того, что происходит? Ах, пустое. Я думаю — нет! я совершенно уверена, что количество линий на моих ладонях, линий, спорящих друг с другом и с логикой, — это вовсе не описание одной жизни! Это — многое множество сценариев, проиграть которые я могла бы за просто, если бы и меня было многое множество. Но поскольку меня — всего один вариант, живу я только по одному сценарию. Однако в моей жизни было много событий, которые смело можно назвать отправными точками, точками старта, потому что эти корневые события всегда имели вероятность другой концовки. При которой старт, естественно, тоже был бы другим.

Я не могу прожить все сценарии. Точно. Но я могу предположить, какими они могли бы быть. А потом описать. Некоторые из них. Точно?

Часть I

МАРГО

2008 — Бренд в тренде

Когда я в первый раз увидела проститутку, мне было десять. Она была восхитительна. Такая пьяная, такая простая! — в каждом движении. Вот прикурила сигарету. Не тем концом. Вот бросила её. И тут же, как по сигналу, на неё прямо с неба навалились менты. Она завизжала! — ничего прекраснее я не слышала! Это была сила, которую взяли в плен самые слабые существа в мире. Мужчины в форме. Ну как такое можно не полюбить?!

...Мы влетели в отделение. Я, Ленка и Малыш. Во всей красе своих от 18-ти до 23-х лет. Я застыла в самом центре лысой комнаты. Я одарила всех улыбкой Кутузова. Потому что я была борцом за правду и справедливость для всех трудящихся этой планеты. Мама часто говорила, что ассоциативное мышление у меня развито так же, как плечи у пловца, только вот, — добавляла она чуть тише, — не хватает изюминки, изящества, тонкости. Маму всегда охватывала доса-

да при мысли о том, что она так и не смогла заставить меня доучиться в Университете С Большой Буквы — на самом лучшем из факультетов.

До Акции я работала в одном рекламном агентстве: ничего особенного, так, идейку в курилке проработать и начальству на стол подбросить, чай-кофе-потанцуем в рабочем порядке, типографии, посещения клиентов на предмет предоставления нужной подписи. Получала я мало, а злилась много. Было неясно, каким образом происходит распределение средств в этом мире? Бабы одевались не просто хорошо — отлично. Мужики пахли как боги. Причём ни те, ни другие ничего не делали. Трудились такие, как я, а было их шесть штук ровно: все бедолаги с острым умом, отлично понимающие на уровне подкормки, как работает рынок в целом и мозг среднестатистического реципиента в частности. И мне лично было непонятно, почему даже в самом первом круге ада мальчики всегда получали больше, чем девочки. А ещё я мечтала — о! я мечтала о том, что однажды судьба изменит моему правилу и подкинет-таки мне шанс или идею (а лучше и то и другое разом), и я мигом стану тем, кем я себя ощущала с самого рождения: великим манипулятором на гребне волны.

И я дождалась.

Простая и, главное, имеющая все шансы на реализацию идея посетила меня на улице, когда я смотрела на гаишника, сканирующего глазами проезжающие мимо машины. Мне

надо стать брендом! Не какой-нибудь там авторской забубенью, которая мало кому интересна, а продаваемым брендом. Мне надо стать брендом в тренде! — вот что мне надо в этой жизни.

Гаишник всё стоял под дождём и не знал, что только что стал отцом моего ребёнка. Идея, на которой стоят все законы, все правительства мира: защищать интересы слабых! — это же тема, которая шелковой красной нитью «козликом» вышита поперёк всей истории человечества. Начать с благородства на энтузиазме, затем грамотно, но обязательно тишком выгодно продаться и пилить себе дальше по широкому проспекту финансовой независимости своей собственной и уже блистательной жизни! Ах, как же хорошо быть мной!

Акция была плохо спланирована, совершенно не подготовлена, но корни имела крепкие и хорошо продаваемые. Проститутки — они тоже люди. Именно так я и сказала Ленке и Малышу.

Ленка сразу согласилась.

Из нас трех только у нее, сироты, воспитанной бабушкой, на бабушкину же пенсию, была квартира. Своя. Собственная. От дедушки ей достался в наследство солидный запас матерных слов. Бабушка же, удалившись в райские кущи, оставила Ленку без своей пенсии, зато с двухкомнатной квартирой в центре города. Эта квартира стала причиной многочисленных Ленкиных бед и одной-единственной, но зато жизнеопределяющей радости. Поначалу Ленка загу-

ляла: квартира была настолько же популярна у всей шпаны квартала, насколько непопулярна у участкового. А потом на сцене появилась Марго (то есть я) — из ниоткуда с казарменной любовью (это преувеличение, потому что любви, даже казарменной, никогда не было во мне). Я ещё не знала, зачем Ивану-царевичу пригодится это животное, но квартира была бонусом, а от бонусов я не отказываюсь.

Когда меня осенила Великая Идея, я объявила Ленке, что набираю волонтеров. Судя по её лицу, она понятия не имела, что такое волонтеры, но, видимо, прозвучало это достаточно подходяще для того, чтобы в Ленкиной квартире воцарился порядок (после многодневной пьянки), в Ленкиной голове поселилась идея спасти мир (который суть женщины) от мужиков, а в сердце — любовь ко мне. Последнее было очень удобно. Во-первых, потому что Ленка скорее язык себе откусила бы, чем призналась мне, а во-вторых — блин, на этом же можно было играть!

Несмотря на то, что Малыш была прямой противоположностью Ленке, с ней было ещё проще.

Кто и почему назвал бывшую баскетболистку 185 сантиметров роста Малышом, неизвестно. Малыш — девушка очень чувствительная и реально нежная. Любит животных, особенно если они покалечены. Малыш обычно склоняется над ними и начинает без усталости сюсюкать над несчастными, — до тех пор, пока не подойдёт Ленка и не окажет несчастному животному первую врачебную помощь.

Малыш очень трепетно относится к девушкам. Для неё каждая, кто ниже её ростом, находится в потенциальной группе риска. Зато парней — невзирая на рост! — она считает оккупантами. В каждом видит угрозу и каждого, как ни странно, боится. Только однажды Малыш забыла о своём страхе перед парнями: она увидела, как к девушке (а была это я) приставали трое пьяных молокососов. Малыш двинулась на них, слабо соображая, что делает. И спасла нас тогда только масса Малыша. Нет, Малыш — красивая девушка! Она пропорционально сложена. А если с ней рядом не стоит какой-нибудь мужичок или мелкая иномарка, Малыш и вообще выглядит как мечта.

Повторюсь: мы влетели в отделение так быстро, что среди присутствующих представителей закона в количестве двух воцарились паника и лёгкий психоз. Оба служителя сидели за столом. Один, похмельного вида, читал газету. Второй, карикатурно толстый, жевал мягкую детскую булку. Были мы раскрашены как в Первомай после его празднования нашими далёкими предками. Одеты — в соответствии с личными представлениями о том, как одеваются на работу проститутки. Получилось похоже. Единственное, что отличало нас от проституток, которых мы изображали, это холщовые сумки через плечо.

Мы, как было обговорено, забарабанили ладонями по единственному столу, застучали единственным свободным стулом об пол, скандируя незамысловатые лозунги «Свободу

проституткам!» и «Сажайте клиентов!!». На наши крики из соседних помещений в комнату прилетели ещё двое милиционеров, которых паника миновала и психоз не коснулся. Они-то нас и выпихнули наружу.

— Быстро сдрызнули отсюда!! — бросил нам какой-то чин.

— А то чё?! Посадишь?! — изо всех сил напрашивалась я.

— Давай закроем их? — вроде образумился младший.

На что старший, явно преодолевая своё отвращение к закону, качнул головой:

— Не. Возни много. — И без предупреждения заорал на нас: — Кому сказал?! Вон пошли, сучки драные!

— По какому праву ты нас тут кроешь, а?! Живодёр!! — самозабвенно вопила Ленка, подпрыгивая на месте, как самый мелкий из бесов.

— Не, а в натуре, чё ты их гонишь-то? Сами пришли — сами предложили, — настаивал младший с сальной ухмылкой. — Чё не взять-то, а?

Вот тут Малыш и заорала то ли от бешенства, то ли от ужаса:

— Только попробуй, мразина!! Засудим — пикнуть не успеешь!!

— Возни много, — сказал как плюнул старший. — И вони потом не оберёшься.

И оба они под пронзительный свист Ленки удалились в родные казенные пенаты. Дверь хлопнула, а я готова была

гиеной выть от досады. Короче, гиена пошла домой. Ленка и Малыш шли за мной следом, негромко переговариваясь.

— Ну, и чё добились? — задиралась Ленка к ни в чём не повинной ссутулившейся баскетболистке.

— А ты чё ждала? — лениво отбивалась Малыш.

— Да особо как-то и ничего, — ответила Ленка. Было ясно, что она утратила интерес и к разговору, и к Акции.

Я резко разозлилась на Ленку — без переходов и реверансов.

— А чего спрашиваешь?

— Нас могли вместе с ними закрыть!

Ленка повернулась к Малышу:

— Нет, ты видела ту — в углу?! Красотенюшка вообще — какой фонарь на всю скулу!!

— Не могли! — я уже орала. — Сто раз объясняла! Мы — с документами. И клиенты на нас не лежали.

— Но нас могли втупую отметить, — резонно заметила Ленка. — За нарушение общественного спокойствия!

— Не-а. Не могли, — простодушно вставила Малыш. — В отделении же камеры: они же, суки, друг за другом следят же.

— Слушай, а ты чё хотела-то?.. — Ну вот, завелась снова, хотя сто раз обо всём поговорили. — Чё хотела-то?

Я остановилась и заставила их остановиться. Я стояла напротив маленькой Ленки и сверлила её взглядом. А Ленка, святая простота, пожала плечами, пнула камушек.

— Да просто как-то всё это не по мне. Ничё такого не делаем. Скучно же!

— А-а! — улыбнулась я широко и дико. — Ну ладно, пока!

Я развернулась и пошла. Зная девчонок, я была уверена, что ни одна не рискнёт сделать даже шаг следом. Вот сейчас будут стоять, и Ленка заканючит, и Малыш её утешит и уговорит, что надо пойти домой.

Малыш укоризненно посмотрела на Ленку, которая тут же развела руками.

— Чё?! Чё я-то? Просто сказала, что думала! — зачастила Ленка, подталкивая Малыша в бок плечом. — Да ладно тебе! Чё, Марго не знаешь?

Малыш толкнула Ленку в ответ, повесила свою руку на её плечо.

— Ты пойми, Малыш, — втолковывала ей Ленка на ходу. — Мы же ей только мешаем. Нет, ну не всегда, конечно. Но вот сейчас, к примеру, ей точно надо подумать.

— Опять, наверное, в три часа ночи нас растолкает и начнёт рассказывать, что придумала, — согласилась Малыш.

— Кстати! А почему мы её слушаем? — с детским любопытством спросила Ленка.

— Ну не знаю. Может, она рассказывает интересно?

После секундной паузы обе заржали. Я их не слышала, но для того, чтобы знать, о чём они болтают, этого и не требовалось. Пусть себе идут домой. Мне надо было пережить фиа-

ско. Провал Акции меня не расстроил — я не настолько наивна, чтобы надеяться на первый блин. Комом? — ну и ладно. Главное — он был.

В таких приятных мыслях я и пребывала ночью на улице, где было тихо и пусто. Но недолго. Прямо передо мной, как двое из ларца, нарисовалась местная шпана. Брюнет, широко раскрыв руки, шёл мне навстречу, как к старой знакомой.

— Ой, а мы тут идём и думаем, а где бы нам бабца раздобыть? Да так, чтоб поговорчивей, а!

Второй — хмурый ублюдок со сросшимися на переносице бровями — ни на секунду не отводил глаз от моей груди.

— Настоящие мужики за секс денег не берут, — буркнул он то, что веками говорили в его долбаной семье мужчины.

Я отступила к стене и быстро выловила из сумки телефон.

— А ты не бойсь! — улыбнулся мне Брюнет. — Если чё, мы с твоим сутером перетрём. Ты главное — нас не обидь, и всё пучком будет!

Бровь ухватил всей пятернёй свою мотню и, брызгая слюной, заржал:

— Так уже пучком! У меня!

— Слушайте, ребята, вы ошиблись, — я старалась говорить убедительно. — Я — не проститутка. У нас просто вечеринка была. Ну, маскарад! Ну, в костюмах все должны были прийти! — я с ужасом слышала слёзы в своём голосе. — Я работаю в отделении! Здесь — ну, в нашем участке!

Я быстро вынула из сумки пропуск в бассейн и вытянула

вперёд в дрожащей руке, молясь, чтобы темнота, алкоголь или их природная тупость помешали разобрать буквы.

Брюнет вальяжно сделал два шага ко мне.

— Я тебе тайну открою, — сказал он проникновенно. — Нам — по хрен!

— Умоляю!! — заорала я.

Подействовало. Брюнет смерил меня взглядом с головы до ног и милостиво пошёл на сделку:

— Сиськи покажи. Сама. Тогда отпустим.

Бровь чуть мотню свою не оторвал от нетерпения.

Я посмотрела в глаза Брюнету: если бы могла, вскрыла бы ему взглядом черепную коробку, чтобы понять, правду сказал или разводит. Выбор-то у меня был невелик. И я, возложив тупые надежды на свои сиськи, задрала майку к небу. На секунду мне даже поверилось, что вышло.

— Я доволен. А ты? — кинул Брюнет через плечо Брови.

— А я — нет, — рявкнул тот в ответ.

Брюнет посмотрел на меня, виновато пожал плечами — мол, извини, дорогая, но братан недоволен. И это движение стало отмашкой, выстрелом сигнального пистолета для Брови.

Паника прошила меня всю разом. Я вжалась спиной в стену. А кони всё ржали и наступали. Я вспомнила проститутку, которая визжала в мои десять лет. Только сейчас это была я. Это я визжала пронзительно, отчаянно, коротко. Первый удар я даже не осознала, — просто какое-то неуловимое

резкое движение, — и мои глаза взорвались. Где-то вдалеке слышался глухой и противный стук.

«Стена...»

И я упала.

Ещё один стук — колючий и влажный.

«Асфальт...»

Я попыталась отползти.

Беззвучно завизжала грудь, — меня тащили за ноги по асфальту. «В уголок, чтоб никто не уволок...»

Я сильно лягнула темноту ногой.

Моё тело резко перевернулось, и луну закрыла чья-то рожа. Широкие ноздри, тонкие губы, тёмная родинка на правой скуле. Я отвернулась и упёрлась взглядом в смазанную лужу.

«Надо же! И здесь ты...» — подумала я, любуясь на луну, которая начала мерно сотрясаться от мерных толчков. Я закрыла глаза.

Прошло три года, и сквозь темноту я слышала другие голоса.

— Эка её уделали, — произнёс кто-то вполне спокойно.

— Вколи ей! — занервничал женский голос и с досадой добавил: — Чего любишься?!

Я медленно открыла глаза и увидела склонившуюся надо мной морду Микки Мауса, который тут же начал меня отчитывать:

— Вот чего ты тут забыла-то? Кто в этом районе работает,

а?! — он явно злился. — Не проститутка, а самоубийца, бля!

Я мило улыбнулась и сказала:

— Я не проститутка.

— Ну да! — усмехнулся Микки Маус. — А я — не Микки Маус!

Я хотела возразить, но звук выключили, и свет тоже.

Очнулась я в больнице. И, даже еще не открыв глаза, переполнилась претензиями и обидами. Во-первых, почему мне больно? Во-вторых, почему мне, на фиг, ТАК больно?! И, в-третьих, какая сволочь не завинтила кран?!

Я с трудом открыла глаза и попыталась осмотреться.

«Живого места на ней не было», — классик так бы и сказал.

Ситуация требовала реплики.

— Бляяя... — прохрипела я в угоду ситуации, хотя сразу как-то кожей почувствовала, что рядом никого нет.

Дверь в палату тихо открылась, и вошла Маргарет Тэтчер в белом халате. Вот старая жопа! — ещё и бейджик на грудь повесила «М. Тэтчер». Наверное, чтобы я не перепутала. За её спиной — всё как положено — маячил тонкий высокий темноволосый вылизанный с раскрытой папкой в руках.

— Ещё одна? — спросила она в сторону, не сводя с меня глаз.

Тонкий высокий темноволосый вылизанный с раскрытой папкой в руках кивнул. Маргарет Тэтчер искоса глянула в раскрытую папку и недовольно поморщилась.

— Только что ж вы все так учиться не любите?! — она, наконец, обратилась прямо ко мне. — Старый мир переделашь, а новый на чём построишь? — она наклонилась, и я почувствовала, как от неё здорово пахнет. — Ты же — дуручка, Марго. Ни образования, ни стиля у тебя нет.

Она права. Мне нечего было ей сказать. И Маргарет Тэтчер, недовольно дёрнув плечом, вышла из палаты. Тонкий высокий темноволосый вылизанный с раскрытой папкой в руках с извиняющейся улыбкой посмотрел на меня и вдруг развязно подмигнул! Я скосила почти здоровый, почти открытый глаз на капельницу.

— Чё это мне тут вкатили? — спросила я сама себя.

— Антибиотики, — последовал ответ.

Я, в принципе, была готова к беседе с кем бы то ни было. Поэтому когда на край моей кровати присела Клеопатра с приветливой и милостивой улыбкой королевы всех королей, я улыбнулась ей в ответ.

— Марго, — сказала она проникновенно, — ведь заебали уже мужики своей простотой! Всё для них — и красота, и диеты.

— Ну, допустим, — покорно согласилась я и на всякий случай решила уточнить: — А ты кто?

Клеопатра весело, заразительно и звонко рассмеялась.

— Эта старая феминистка Тэтчер права! — Клеопатра чуть наклонилась ко мне и проникновенно, нежно произнесла: — Ты действительно тупая! Впрочем, это неважно! —

Тут её осенила какая-то мысль, и Клеопатра радостно вспыхнула: — Точнее, именно это и важно! Если они не желали слышать умных женщин, значит, это ни хера не работает.

Я смотрела на неё во все глаза. Клеопатра погладила меня по щеке.

— Пришло твоё время!

— А чё это вы все как сговорились? Чё это я тупая?! — возмутилась я.

Клеопатра поёрзала на кровати и положила руку на мой лоб.

— Да ты не расстраивайся! Это — хорошо. Главное, что у тебя есть сиськи. Мозги проигрывали тысячелетиями. Надо попробовать что-то другое.

— Сиськи? — переспросила я.

— Именно!

Я улыбнулась и закрыла глаза: это — бунт сознания. Ну и ладно!

— Хочешь молока? — спросила Клеопатра.

Я закрыла глаза и кивнула. Моих губ коснулось холодное стекло. Я сделала глоток и открыла глаза. Прямо на меня шла женщина-боксёр с голой грудью, с цветным флагом в руке, в сопровождении тонкого высокого темноволосого вылизанного.

— Это чего?.. — одними губами спросила я.

— Свобода. Делакура, — одними губами из-за плеча женщины-боксёра подсказал мне тонкий высокий темноволосый

вылизанный.

Свобода грузно опустилась на мою кровать, зажала между пальцами сигарету. Получив огня прямо из ладоней сопровождающего, она затянулась и сильно выдохнула.

— А ты как думала? — усмехнулась Свобода. — Хочешь мир перевернуть? Я тоже хотела. А что вышло? — Она шлёпнула себя по голой ляжке. — Ты, Марго, хоть и дурочка, а шанс получила. Не просри его.

Свобода наклонилась к моему лицу и очень убедительно сказала:

— Ведь если не ты, так другая придёт. Потому что пора уже. Время — оно самое!

Свобода щелчком отшвырнула бычок в сторону, и тонкий высокий темноволосый вылизанный ловко его поймал. Свобода опять посмотрела на меня и подмигнула.

— Ты понимаешь, что ты — социопатка? Что ты не любишь людей и никогда их не полюбишь? Здесь без вариантов. Ты понимаешь это?

Знаете, когда Свобода с голой грудью задаёт вам такой прямой вопрос, осознаёшь моментально тот великолепный крен, который дала твоя крыша. Поэтому я без промедления ответила:

— Да. В смысле, понимаю и принимаю.

Свобода удовлетворённо хмыкнула:

— Ну тогда тебе прямая дорога в бренды и тренды. А то, что с тобой случилось этой ночью, считай скачухой и началь-

ным нематериальным капиталом. Теперь ты точно получила точку отсчёта. Я понятно излагаю?

«Ещё бы не понятно!! — это ж я сама и говорю себе!» — подумала я, а вслух ответила:

— Я всё поняла.

— Сильно сомневаюсь, — вздохнула Свобода и величественно испарилась.

Её растворение ознаменовалось дождём, только вместо капель воды на меня падали деньги. Купюры всех стран мира, плавно кружась, опускались на моё искалеченное тело, лицо и руки. Тот, кто сказал, что не в деньгах счастье, явно был мужиком. Который получал много-много красивого хрустящего бабла!..

Я никогда не понимала, как можно думать над загадкой: что было раньше — курица или яйцо? Тот, кто рождает, тот и был первым. В смысле — курица. И о чём тут думать? Отсюда вытекает ещё один момент. Если курица признаётся началом начал, то она должна быть правителем, а при более удачном раскладе — диктатором. И скажите мне, почему же по факту признанный правитель и несостоявшийся диктатор должен влачить жалкое существование, облизываясь на высокие зарплаты и тёплые местечки мужчин? Почему же её насилюют, унижают, а в некоторых странах убивают? Стоп. Мысль про некоторые страны была более чем удачной: она была находкой. Я подумала, что таких, как я (а я, по счастливому стечению обстоятельств, попала в категорию подверг-

шихся насилию!), очень много в странах третьего мира. Например, в каком-нибудь Египте какой-нибудь египтянин легко может творить такое безнаказанно, потому что там, в этом самом Египте, женщину в говно не ставят. Нет, ну сказать, что Акция была первым блином, который вышел комом, я решительно не могла! Это — удача. Женщина, которая пережила насилие и подняла голову и призвала всех женщин мира сделать то же самое, это сначала лидер, а потом и символ. А на символ всегда найдутся покупатели. Свобода была права — я получила начальный нематериальный капитал. А ещё я очень хорошо запомнила взгляд Брови, когда стояла перед ним, задрав майку. Руки у него сами по себе сложились в чашечки, а над головой дымилась надпись «Сиськи!!». Каждая из них, как магнит, притягивала к себе и лишала его зачатков трезвомыслия. Я продам эту идею. Задорого. Про меня снимут кино. Или два. Я буду, буду звездой.

В тот момент, когда я шла по красной дорожке под вспышки фотоаппаратов, в палату влетела Ленка. За ней скачками двигалась Малыш. И я видела, что задача номер один для Малыша сейчас — не допустить, чтобы Ленка своими хуленькими ручонками удушила чудом спасённую великолепную мученицу Марго. Малыш всё же поймала Ленку и силой усадила её на дальний край кровати. И сейчас та сидела там и омывала мои ноги своими слезами, приговаривая отчаянно и любовно:

— Сволочь ты, Марго! Скотина конченная!

— Если бы мы знали... — тихо начала Малыш.

— Ну вот ты чё такая большая и такая дурная, а?! — засмеялась я. — Если бы я сама знала, я бы вообще всю неделю дома сидела.

Надо же, вру ей прямо в глаза, а она этого не видит.

— Ты о нас подумала?! Ты вообще подумала, что с нами-то будет?! — всё пыталась пристыдить меня Ленка.

— Ну, извини! — глядя на эту святую простоту, я даже злиться не могла. — Вот о вас я как-то не думала, когда меня драли две гонорейные твари!! Скройся с глаз моих, придурок!

Ленка стремглав вынеслась из палаты. Малыш тяжеломерно последовала за ней, бросив на меня осуждающий взгляд. Я вытянула ноги и опять уставилась в потолок.

Да, я никого не люблю. И мне не жмёт, и не давит, и вообще. Достаточно того, что к девчонкам своим я отношусь хорошо. Конечно, если они не порют напропалую. Да, приходится периодически делать им уступки, — но! — в мелочах. Мне нужна армия. На этих двух её не построишь, но без этих двух мне сейчас нельзя. Ленка всегда возражает мне — из чувства детского противоречия и любви, которую изо всех сил скрывает. Малыш всегда согласна со мной — из чувства самосохранения. И то, и другое удобно. Но всё равно приходится постоянно вдалбливать в эти головы, что я умнее, а следовательно, лучше. Трио уродливое, согласна. Но жизнеспособное. И это главное.

А потолок расцветал ярко-красными маками с чёрными тычинками. Одна тычинка вдруг разрослась до размеров огромного зрачка. Его круг за кругом стала обматывать ярко-зелёная радужная оболочка. Её окаймили веки. Их опушили ресницы. И вот смотрит на меня прямо с потолка, не моргая, огромный прекрасный глаз. Набухает кристально чистая слеза и обрушивается на меня солёным потоком. Вот что самое классное в бабах — это немереное количество слёз, любви и сочувствия! Их слёзы — это океан. Их любовь — это земля. Их сочувствие — это, бля, рычаг!!

— Ко мне!! Обе!! — заорала я на всю больницу. И продолжала орать, когда запыхавшиеся мои волонтёры влетели в палату.

— Шоу, конкурсы, анорексия, шмотки — всё напояз! И всё — для мужиков! На самом деле в каждом супермаркете товаров для мужиков просто нет!! Тампоны, прокладки — нам! Продукты — нам! Вантузы, плоскогубцы, шланги — тоже нам! Потому что мы — главные потребители всего этого говна!! — я сама ошалела от вывода, к которому только что пришла. — Если экономика работает на нас, какого хера мы до сих пор работаем на неё?!

— Марго, ты бы полежала, а? — робко сказала Ленка.

— Рот закрой. Мы — армия. Сейчас нас трое. Завтра будет тридцать. Послезавтра — три тысячи.

— Послепослезавтра — тридцать тысяч, — послушно подсчитала Малыш.

— Рот закрой. — И, выждав паузу, я торжественно объявила: — Я хочу менять мир.

— Всё. Пиздец, — тихо и обречённо сказала Ленка Малышу.

— Точно. Посттравматический синдром, — тихо и обречённо ответила ей Малыш.

— А знаете почему? — спросила я их с вызовом.

— Почему — пиздец? — уточнила Ленка.

— Почему — синдром? — уточнила Малыш.

Нет, ну надо было усрать момент?!

— Почему всё получится, — пояснила я им. Хотела продолжить, но накал неожиданно спал, и у меня закружилась голова.

— Почему у нас всё получится... — робко подсказала Малыш.

— Потому что мы — сила, — невнятно пробормотала я, уже отлетая в потолок, прямо в центр огромного зрачка. — Я соберу её в кулак и...

Нет, это даже хорошо, что я вырубилась, потому что, чуёт моё чёрное сердце, понесла бы я дальше такую ахинею, которая потом жгла бы меня всякий раз наедине с самой собой. А поскольку наедине — это ключевое слово моей натуры, жгла бы она меня постоянно. Я люблю красиво говорить. Просто не всегда красиво получается.

— А ты как думала, милая моя? Захотела говорить красиво, и оно само вдруг получится? Нееет! Так не бывает. Это-

му учиться надо.

Голос был женский, противный, треснутый. Я со вздохом открыла глаза. Женщина стояла не одна, а со второй женщиной рядом. Обе были похожи друг на друга то ли выражением лиц, то ли каким-то общим покроем фигур, одежды и исходящим от них запахом махорки. Не дожидаясь моего вопроса (ну или просто потому что Тэтчер им уже наябедничала) обе чуть вынесли вперёд свои хрупкие корпусы.

— Клара Цеткин, — сказала одна.

— Роза Люксембург, — сказала вторая.

Ситуацию это не прояснило. Скорее наоборот. Я вздохнула, ожидая услышать, что я тупая. Тем более, что начало уже было положено: вступление про учение и красивые речи я отлично расслышала.

На всякий случай спросила:

— А вы что, как бы, уже того? Ну, в смысле, тоже уже умерли?

Клара вскинула неровно выщипанные брови. А Роза хрюкнула презрительно.

— А кто ещё, — аккуратно подбирая слова, спросила Клара, — уже умер?

— А все! — засмеялась я.

Реальность моя, нереальная для других, меня веселила и наводила на мысли о том, что я, оказывается, совсем не против компании неизвестных мне личностей, пусть даже и придерживающихся единодушного, отнюдь не лестного мнения

о моих умственных способностях.

Роза гордо вскинула голову.

— Я надеюсь умереть на своём посту — на улице или в тюрьме.

Я смотрела на неё, не моргая пару секунд, а потом просто зашлась от хохота. А смеяться было больно!

— Если вы проститутка, то мне обязательно! — просто вот обязательно нужно увидеть вашу клиентуру!!

Беседа потекла рекой — как застолье.

— Ты, Марго, так категорична! — а это плохо для лидера, — втолковывала мне Клара.

— Ты говоришь, что мужики — это зло, а они-то, Марго, и есть сладость, — убеждала Роза.

— Отъебитесь, — беззлобно огрызнулась я. — Конечно, сладость! Кто бы спорил?! Странно, что про каждую из вас в Википедии по страничке накатали!

— Так ты знаешь, кто мы? — удивились они синхронно.

— Вы такие смешные! — меня, кажется, прорвало. — Решили сами для себя, что я тупая. Решили, что я — сексистка.

— А что, нет? — вкрапила тихий вопрос Роза.

— ...И ни одной никуда не влетело самое очевидное! Девушки, милые, я — социопатка. Всегда ею была и отлетаю, кажется, в том же статусе! Неужели вы думаете, что я не понимаю, кто бы мог купить меня? Точнее, мой бренд?! Мужики! — они и только они!!

Роза и Клара переглянулись и зацокали. Что значила эта

старческая азбука Морзе, неизвестно. Только уходить они не собирались. Расположились на широком подоконнике. Свернули пахитоски из чего-то очень крепкого (потому что тотчас, как прикурили, страшно и привычно закашлялись обе) и очень вонючего (потому что тотчас, как они выдохнули, закашлялась я). Странно, но эти две морщинистые барышни с такими узкими взглядами, неприглядными мордами и громкими судьбами были мне сейчас приятнее, чем Клеопатра со всем её расписным золотом по телу.

Я так и осталась там, в компании этих персонажей, — ну не зря же я читала всю свою сознательную жизнь с жадностью, которая пугала меня саму!

Ленка так и не узнала, что я договорилась с её участковым. И он ходил и ходил, доставал её, угрожал до тех пор, пока не появилась на сияющем горизонте я.

Малыш тоже осталась в счастливом неведении, что трое приставших ко мне молокососов, от которых она хотела меня спасти, были моими старыми приятелями.

Да, я не доучилась в Университете С Большой Буквы, но не от недостатка ума, а от его переизбытка. Было бы слишком просто пойти по той дорожке, по которой ежедневно и ежегодно ходит целая толпа человекоединиц. Я — другая. И жила по-другому.

За то время, пока я ещё была в коме, кто-то из тех двоих выложил отснятое на мобильник под каким-то странным углом видео с шикарной сценой: я лежу на мокром асфальте

и тихонько (бля, даже эротично!) постановываю. Называлось видео «Хочу как — умираю!». Могу представить себе Ленку, которая сквозь потоки слёз и соплей говорила, глядя на монитор, что порно — говно, что её порно лучше, что мне не надо расстраиваться. Могу представить, как мучилась Малыш в тщетных попытках утешить Ленку и не признаться, что это именно я дала ей свой мобильник и велела выложить видео, снятое четвёртым, оставшимся за кадром участником этой постановки, в сеть. Могу представить тот краткий ажиотаж, который это видео вызвало. Но поскольку я находилась далеко, забраться на эту краткую волну было некому. И незачем.

Я уходила. С каждым днём всё дальше. И с каждым днём становилось всё легче. Скоро уйду совсем. И не потому что меня изнасиловали — вы же понимаете, что насилия-то и не было? — а потому что какой-то слишком самостоятельный и самый умный тромб решил уйти в свободное плавание по моим венам, и попёрся он на хрен против общего течения крови. Совсем как я.

Что ж, сейчас брендом в тренде я не стала.

Посмотрим, что будет в следующий раз.

1991 — Полёты

— Маргоооо!!! Маргооо!!

Крик заливал вселенную, в которой жили люди, ездили

машины, летали самолёты и всё такое прочее в обычном ритме обычного советского фильма на широкоформатном экране кинотеатра имени Камиля Ярматова.

И в этой же вселенной какая-то женщина летела вниз по мокрому, только что вымытым ступенькам с четвёртого поднебесного на первый спасительный с девочкой на руках. Девочка смотрела в потолок и как никогда ощущала то полное свинство, автором которого — опять! — была она. Девочка молилась и обещала всем и каждому, кто живёт там, наверху, что никогда-никогда-ни-за-что-ни-про-что она больше так не будет. К сожалению, эта девочка всегда давала обещания, сдерживать которые ей и в голову не приходило. Она просто забывала их, как только буря послушно ложилась у ног всемогущей женщины, которая сейчас бежала уже по улице, к дороге, чтобы поймать машину. Деревья и асфальт расступались перед этой женщиной. Люди прыгали обратно в свои квартиры прямо через окна с малышами, которых вывели на прогулку. Бульдозер испугался и уехал в парк. Мама этой женщины на другом конце района вскочила на ноги и тоже помчалась вниз — с четвёртого поднебесного на первый спасительный. Такова была сила этой женщины. Такова была её любовь к своей ненаглядной Марго, которая сейчас болтала ножками в такт бегу женщины и открывала небу разодранный подбородок. На затылке набухла огромная шишка. Но шишка была просто милым пустяком в сравнении с алой кровью, заливавшей весь мир. Капли должны были расцве-

тать маками с чёрными тычинками. Но они сворачивались моментально, едва коснувшись земли.

— И это хорошо, — сказал хирург. Он сумел устоять против женщины, отобрал у неё ребёнка и скрылся, как злой герой без плаща, в операционной.

Женщина бегала по коридору больницы — от двери в операционную до двери в следующий блок. Она жила сейчас этим коридором, этой звуковой дорожкой: зажав уши ладонями, она слышала, как её ребёнок заходится от крика: шили то ли «наживую», то ли хрен его знает как. Женщина, может, и разбила бы дверь плечом, но мысль, что этим она помешает Марго быть красивой и целой, останавливала её. Так и бегала женщина от двери к двери, словно разбегалась, чтобы набрать скорость, а добежав, ломалась перед детским криком.

Марго, конечно, выжила. Марго, конечно, запомнила, как она всё испортила. Марго, конечно, продолжала ходить в тот двор, куда ей строго-настрого запрещено было соваться и до падения с качели (на которой она всё равно продолжала кататься) и уж тем более после. Марго была сволочь. Ею и осталась.

Нет, ну а что?! — я такая, какая есть. И вот что я вам скажу. Никакое воспитание, никакие обстоятельства, никакие жизненные блага или их отсутствие не имеют значения и не играют роли. Человек — это как детская пластмассовая машинка. Если её сделали красной гоночной, она не станет грузовиком с деревянным бортом. Вот как ты её ни натирай

тряпочкой, на какую стеклянную-престеклянную полку ни ставь, какие бантики-брелочки ни вешай, она, блин, останется тем, чем её сделали.

Но было страшно. Очень. Когда я упала с качели, не боль обожгла меня, а мысль: что я скажу маме?! Я услышала издалека громкий напряжённый возглас и, лёжа на земле, подняла голову. Я хотела обернуться. Не успела. Это и спасло моё лицо. Низкие качели с массивной доской, рассчитанной на двоих пассажиров, летели на меня. Я лежала на земле. Я подняла голову. Мне кричали «Не поднимайся!!». Качели ударили меня по затылку. Глаза не вылетели из черепа — значит, сила удара была совместима с жизнью. Правда, если бы я успела всё же обернуться на голос, лицо моё было бы совместимо только со смертью. Даже сейчас я не могу себе представить, во что превратились бы мои глаза, нос, губы, лоб, если бы... Судьба показала себя с лучшей стороны. Боюсь вспоминать, думать и говорить вслух об этом случае, но всем своим существом, как только на внутреннем горизонте замаячит малейший намёк на тот летний день, я выливаюсь через край, и вся я — сплошная благодарность. Быть красивой несчастливой — это одно. А вот быть изуродованной несчастливой — это, простите, совсем другое. Спасибо тебе, моя дорогая.

Ходить в «Оксанин двор» мне было запрещено по очевидной причине: далеко от окна, из которого меня можно увидеть и из которого меня можно позвать. Причина эта была

очевидна только маме. Не мне.

Этот двор был как волшебная коробка с подарками.

Здесь в одном из двух подъездов жила собачка, короткошёрстная и низкорослая модница. Гуляла она исключительно в розовых бусах. Имени своего никому не называла. А нагулявшись, скрывалась в дверях подъезда, не давая никакой возможности узнать, кто же её хозяйка. Девчонки думали, что это придурочная старушенция — тоже та ещё модница, в морковного цвета помаде фланировавшая за хлебом каждый вечер. А мне почему-то казалось, что это хозяин — такой странный, толстый, замкнутый, лысеющий дядька, которого обязательно надо обойти стороной, если встретишь ненароком на улице.

Здесь на вторых этажах каждого из двух подъездов жили алкоголики. Детское восприятие моментально отделяло их от обычной (то есть моей) жизни. Были они все разные — по комплекции и комплектации, — но нечто общее, неземное нёс в себе каждый и каждая. Женщины-алкоголики почему-то всегда были гораздо интереснее и краше мужчин-алкоголиков. Мужчины были как братья наши меньшие — с этим выражением нас познакомила воспитательница в группе. Она объяснила и привела примеры. Я, конечно, знала, что мужчины не животные, а вовсе люди. Только мужчины-алкоголики, странно пахнущие, — отталкивая и притягивая одновременно, — в моих глазах были существами другого толка. Их было жалко.

Здесь с восьмого этажа одного из двух подъездов однажды летала женщина: полёт был кратким и ослепительным. Так вечером сказала каким-то серым шёпотом мама папе. Мама ходила каждое утро на автобусную остановку через этот двор. Ей и посчастливилось увидеть всё — и полёт, и приземление, и мгновенно образовавшийся и разросшийся круг соседей. Приземлившаяся женщина была в комбинации, в колготках и в сапогах.

— На работу собралась, — убеждённо шептала мама.

Мама потом пила целый вечер. А папа её утешал, заботливо подливая ей в рюмку и не забывая о себе. А я сидела в своей комнате и думала: а чего же так убиваться? Вот мне, например, так не повезло, мне и надо горевать! А вот она чего плачет? А вот мне как теперь быть? А я вот не увидела и не почувствовала! А ведь история сама пришла ко мне в дом и в уши и теперь требовала развития!..

Спустя десять лет история эта нашла продолжение в коротком рассказе одной моей приятельницы. Она поступила так, как хотела поступить я. Только ей повезло. Она сидела у окна и вдруг обратила внимание на крышу 13-этажки напротив. Там на ветру покачивалась девушка. Ветер победил, и девушка осенним листом спланировала вниз. Приятельница моя даже не стала дожидаться декораций в виде соседей и хрестоматийной озвучки сиреной «Скорой». Приятельница моя бросилась к своей печатной машинке и в полчаса раздалась с рассказом. Приятельница моя грубоватые мои за-

мечания насчёт совести-доблести (за которыми стояла самая настоящая зависть) отмела одной рукой, второй же указала на титульный лист, где на самом верху красовалось имя автора.

В шесть лет я поняла две вещи. Первая: когда-нибудь я умру, — и сердчишко моё сжалось от страха и возмущения — как же так? Вторая: прежде чем я когда-нибудь умру, я просто обязана стать величиной. Конечно, я не мыслила такими понятиями — это было просто ощущение, ощущение великого объёма, который должен был принадлежать мне. Честно сказать, я была уверена, что он уже принадлежит мне, просто я ещё не обналичила соответствующий чек.

Смерть стала причалом для моего точечного и, что уж тут, горячечного внимания. Это я позже узнала, что написать комедию в разы сложнее, чем трагедию. И дело не в творческом темпераменте, а в том, на что проще всего, с полпинка разводится адресат. Люди. Они любят драмы, склоки, трагедии и просто перепалки. Нет ничего слаще, чем смерть как тема для разговора, — смерть, что обошла рассказчика и слушателя стороной, но всё же оставила чёткий, как скелет динозавра, след и милостиво позволила о себе поведать. Кроме того, именно она, распрекрасная, как французская маркиза, была всегда где-то поблизости. Она меня окружала. Она порхала и посылала мне воздушные поцелуи. Она была постоянно рядом, но на глаза мне не попадалась. А мне так нужно было увидеть! — во все глаза, обоими глазами, жадными

и воспалёнными ожиданиям. Увидеть, чтобы написать. От первого лица.

Все, кто хотел уберечь меня от этой жизни, молодцы и супергерои. Говорю искренне, от всего сердца. Меня хранили люди, животные, предметы, автобусы и иногда трамвай №2. По указке свыше, не иначе. Потому что объяснить моё присутствие на земле наличием у меня девяти жизней невозможно: я с лёгкостью вспомню — до взгляда, до запаха — двенадцать случаев ярких и ещё штук пять более размытых алкоголем, когда я должна была умереть, погибнуть, сгинуть, содохнуть начисто. Но глагол «должна» в этом случае, как, впрочем, и во многих других, был ко мне неприменим. И вот почему. Я была нужна. Меня надо было сохранить в целости до определённого момента, время прихода которого мне, увы, было неизвестно.

Но что же я имела с этой своей маниакальной жадой?

Вот типичный пример того времени.

Верхом неприличия со стороны удачи и судьбы было краткое сообщение от моей подружки, с которой мы прятались в кустах от другой дворовой команды.

— Сегодня женщину трамвай зарезал, — бросила она мне через плечо, внимательно отслеживая взглядом противников, рыскающих по двору в поисках нас.

— Чего? — я вмиг охрипла.

— Ничего, — отрезала подружка, потом сжалась и рассказала: — Толстая такая. Бабка почти. Короче, трамвай ей

ноги переехал. Отрезал совсем. Она лежала, металась, а потом умерла. Даже «Скорой» не дождалась.

«Зато тебя дождалась!» — со злостью подумала я. Нет, ну вот как так, а?! Смерть, которая была загадочной и вообще недотрогой, взяла и показалась и покрутилась на ножке прямо перед этой егозливой, неопрятной и совершенно невнимательной соседской девчонкой! Перед человеком, который не мог её оценить! В горькой печали я вышла из кустов и добровольно сдалась. Подружка прошипела мне в спину что-то легкоматерное и ушмыгнула в другие кусты, пока противники мелкими перебежками окружали шиповник, из-под которого явилась им я.

Сидя на скамейке, я болтала ногами и прикидывала, чего ещё такого интересного могло бы произойти на этих трамвайных путях, но только обязательно в моём присутствии. Мне представлялась плачущая из-за потери кошелька кудрявая мамашка, напрочь забывшая про коляску с ребёнком. Младенец верещит. Трамвай гремит. Лицо водителя вытягивается от ужаса. Он чего-то тянет на себя или в сторону (я плохо представляла себе тормозную систему трамвая). А я стою в стороне и вижу всё до мельчайших подробностей, а ровно за четверть секунды до неизбежной маленькой смерти я дёргаю коляску на себя. Младенец взлетает в небо и падает в руки мамы, которая теперь уже ревёт от страха. Потому что (и я бы это обязательно просканировала) мамаша непременно должна была бы оцепенеть от ужаса, видя трамвай с

раскрытой пастью, надвигающийся на её чадо.

Я понимала одно: зафиксировать необычное, шокирующее и страшное с помощью лёгких, почти невесомых букв — это зачёт. Я была помешана на книгах. Их я считала друзьями и богами. Не авторов, не издателей, не твёрдые или мягкие переплёты, а именно книги. Не подвластные времени и исчезновению, вечные как воздух, всемогущие и всеобъемлющие книги — единственная возможность оставлять следы после себя. Да! — чёткие, как скелет динозавра!

...Учебный год сменялся каникулами. Каникулам резал артерии следующий учебный год. Я получала похвальные листы и грамоты и злилась. Быть лучшей в классе и при этом быть сорвиголовой — это надо уметь. Я умела. Для меня это было важно. Очень важно.

Жила-была девочка. Она была названа самой плохой на свете ещё до того, как вступила в пубертатный период, который, собственно, и мог бы оправдать её поведение. То есть, девочка была плохая без видимых причин. Она сделала свечку из пяти 100-долларовых купюр, выуженных из материнского кошелька. Она нацарапала гвоздём «Помой меня!» на новенькой папиной машине. Она отрезала собаке хвост без анестезии и причин для ампутации. Она выколола кошке глаза — примерно так же. Она звонила в Белый Дом регулярно, требуя к трубке дочку президента. И многое, многое другое и всякое.

На мой взгляд, эта девочка была дурочка. Хочешь вести

себя как вздумается — пожалуйста! Само желание это похвально. Но зачем выставлять напоказ все те глупости, что ты творишь? Да, я убеждена в беспросветной глупости человеческих желаний — потаённых, сокровенных, рассчитанных на тебя одну. Но я также убеждена в неотъемлемом праве на реализацию этих потаённых, сокровенных, рассчитанных на тебя одну желаний. Жить так не проще, нет. Но определённо веселее: ты постоянно находишься под грузом тайны и, конечно, под грузом обязанности эту тайну беречь. Сладко! А шалить, поганить всё и гадить без перерыва и без основной идеи не только скучно, но и глупо. Такого я себе позволить не могла.

Я написала рассказ — вымышленный от и до. Там была девочка, её мама и странная соседка. Всё кончалось очень плохо — умерли все, кроме девочки, которая (по сюжету) и написала рассказ. Это был крик отчаяния, вопль и сопли. Меня переполняли буквы и предложения. А ещё меня переполняла, захлёстывала и сводила с ума жажда славы. Я послала рассказ в толстый журнал. Приготовилась к долгому ожиданию, но ответ пришёл быстро. После дежурных фраз приветствия и благодарности за выбор была классная строчка: «Ваше произведение не соответствует стандартам нашего издания». Вот и всё.

Я решила отказаться от писания чего бы то ни было.

Я начала вытягивать свои щупальца в разные стороны: щупать людей, ситуации, раскладывать книги и кино на со-

ставные части в поисках чего-нибудь ещё, что так же сильно отличало бы меня от других, как и предыдущее наваждение.

И кое-что произошло.

Я влюбилась. И, словно одно каким-то волшебным образом было связано с другим, — поняла, что писать всё равно надо. Надо учиться это делать, ловко сдерживая и дозированно впуская в сюжет свою жажду, не отпуская темы внезапной и нелепой смерти, собирая её факты, как бусины в целую нитку. Меня пронзила прекрасная стройная мысль: это будет сборник с прекрасным стройным названием «Смерть-матушка». Я неожиданно чётко увидела всю картину, которая открывалась бы после титульного листа.

1. Жестокость, которую подглядели.

2. Трагическая случайность, косвенным участником которой можно стать.

3. И, конечно же, корона мини-сборника — убийство. От первого лица.

Таков был план, посланный ну не иначе как великой силой любви. Да?

Новенький пришёл в класс без объявления войны, и боевые действия развернулись в полную силу спустя ровно два часа. Мы, как причитали учителя, снюхались. Что за выражение? что за глагол?! — определённо не тот, что следует употреблять в адрес двух тринадцатилетних подростков.

Учителя всеми шипами своих закалённых душ возненавидели новенького, потому что: а) он был мальчиковым эк-

вивалентом меня на перемене, б) он претендовал на место моего спутника и союзника, в) он в подмётки мне не годился, поскольку я, получая два-три раза в неделю «неуды» за поведение на всех уроках без исключения, была отличницей.

— Светлая голова! — говорила половина учителей.

— Не жопой берёт, а башкой! — говорила вторая, та, что попроще.

Илюха был воплощением и обещанием реализации всех моих тайных желаний, которые я имела в большом количестве и тратила много сил, чтобы удерживать их в узде. Ведь я хотела оставаться золотой девочкой, за которую мама порвёт любую стервозу в плохом костюме.

Илюха был широкоплечий, и это была та ещё новость для меня! Я думала, что так не бывает. Ну, по крайней мере, среди моих ровесников. Он никогда не дрался. Стоило ему повести плечами, дважды (правым плечом, затем левым), резко, с хрустом наклонить голову — и желание нападать у всех пропадало. Так странно, мелкие мальчишки бились отчаянно и постоянно — за жвачку, за ручку, за косой взгляд. Они отстаивали своё место под облупленным потолком школы, как могли бы отстаивать честь своих мам и бабушек. А Илюха не дрался. И меня гораздо позже стало мучить любопытство: а что было бы, если бы ему попался кто-то, кто не испугался бы его широких плеч? И совершенно неожиданно я поняла: Илюха проиграл бы, а возможно, даже и заплакал бы от боли.

Илюха был потрясающим, неповторимым, уникальным уродом, убеждённым в своей неотразимости. Он пил мою кровь как воду — на завтрак, обед и ужин. Он мотал мои нервы на локоть дециметрами и метрами. Он постоянно пытался унижить меня перед теми, для кого мой авторитет был непререкаем с первого класса. Он, сука, держал меня в тонусе. Сейчас могу сказать: спасибо тебе, Илюха!

Тогда же хотелось разодрать его горло, где находился самый красивый кадык в мире. За месяц я сбросила пять кило.

Илюха, услышав об этом, прищурился:

— А где спасибо-то?

— Тебе-то за что, уродец?

— Ну, может, я и уродец, а вот тебе эти пять кило лишними были, — ухмыльнулся он и, бросив на мои плечи свою руку, грубовато и примирительно притянул меня к себе.

— Эй, голубки! Хорош уже, да! Не одни здесь!

Танька была не то чтобы против телячьих нежностей. Она считала, что нежности при ней, когда она без пары, — это противоестественно. Объяснить, почему противоестественно, она не могла.

— Танька, ты чё злая такая? — спросил Илюха, прекрасно зная ответ.

— За сигаретами я, что ли, пойду? — нервно ответила она вопросом на вопрос.

Илюха усмехнулся, снял с меня руку, потянулся, встал. Вот в чём ему нельзя было отказать, так это в готовности

продемонстрировать, что он — пацан.

Пацан может таскать тяжести, если его попросить. Пацан обеспечит сигаретами, если девочка хочет курить. Пацан приласкает, если сам этого захочет.

Илюха двинулся в сторону ларька. Я смотрела ему вслед. Танька смотрела на свой маникюр.

— Убить его, что ли? — меланхолично сказала я.

— Зачем? — с явным отсутствием интереса спросила Танька.

— Ну, не знаю. Рассказ надо написать. Да и подходит он больше других, — сказав это, я тут же неестественно-весело засмеялась. Мне надо было скрыть момент «осенения». В самую точку! — он подходит больше других!

— Нет, вот ты больная, что ли? — процедила лениво Танька.

Она вообще имела свой собственный, какой-то тайный взгляд на жизнь. Я прямо видела её будущую семью и прекрасные платья. Красиво, но совершенно точно не по мне.

Когда я говорила Таньке, что не понимаю её, она пожимала плечами и лениво отвечала:

— А тебе оно надо?

И не понять было это высокой девице, что мне было надо! Ещё как оно было мне надо! Я же чувствовала свою инакость (никогда не говорила это слово вслух, никому). Для того, чтобы вычленить её зерно, нужно было сравнивать — другого способа я не нашла. Да и что я вообще могла понять

в свои шесть, десять, тринадцать лет? Только чутьём, тонким и хитрым, как у подвальной кошки, можно было обозначить границы. То, что находилось за ними, то есть ко мне не относилось, подвергалось беглому анализу и припечатывалось ярлыком «как все, блин». То, что находилось внутри границ, было моим, кровным и трепещущим, как рыба на прилавке, беззащитным и обречённым. Так как же мне было не обождать себя саму, если всё вокруг кричало и вопило: ты не похожа на нас! ты вообще на человека мало похожа!!

Танька хороша была тем, что её внимание занимала только одна персона — Танька. Спорить с ней было бесполезно, но весело.

— А чего я больная? Просто хочется чего-то необычного и сильного.

Судя по её взгляду, она не поняла, а поскольку не поняла, сразу и отмела от себя — в привычной своей манере.

— Смотри, вон он идёт! — попыталась она переключить моё внимание.

Я посмотрела. Да, он шёл. Но сейчас почему-то он мне был совсем не интересен. Я смотрела чуть ближе, чем указала Танька.

Там ссорились двое. Двое были пьяны по макушку. Двое были агрессивны. Двое не были равны друг другу. Женщина и мужчина. Он был явно моложе женщины, ну или выглядел так. Я заметила, что мужчины лучше сохраняются, в отличие от женщин, которых алкоголь разлагает на составные части.

Кожа, зубы, ясность глаз — всё испаряется так быстро, что женщина и заметить не успевает. Она кладёт на своё лицо тонну крема, пудры, помады, туши в надежде исправить получившееся. Только эффект обратный. Каждый миллиметр лица начинает орать о том, что его хозяйка — алкоголичка со стажем. Похмельное женское лицо — неприятное зрелище. Если же похмелье длится годами, смотреть уже не на что. Даже как-то неловко смотреть. Чувствуешь себя пристыжённой, хотя вот до сих пор не могу понять — да почему мне-то стыдно?!

Ссора быстро перешла в следующую стадию: мужчина пихал женщину в грудь и в горло. Я подумала, что он так сильно пьян — не может попасть туда, куда хотел, ну, в плечо, например. Я перепутала. И поняла это буквально через секунду. Мужчина начал пихать женщину в нос, затем в лоб. С каждым тычком она чуть откидывала назад торс, затем, как неугомонная ванька-встанька, возвращалась в положение, приближенное к вертикальному. С каждым разом лицо её менялось. Но она, кажется, не парилась по этому поводу. Она продолжала улыбаться — пьяно и хитро — и отрицательно, непримиримо покачивать кудрявой обесцвеченной головой. Мужчина закипел быстро, а когда вода начала булькать и выплескиваться, он свалил её в арык и стал пинать ногами. Женщина была такая миниатюрная, что поместилась в арыке без труда. Она лежала в нём как в гробу. И, как гоголевская панночка, ровно поднимала верхнюю

часть тела. Её голова и плечи появлялись как бы из-под земли. Кудрявая обесцвеченная голова всё так же покачивалась, отрицательно и непримиримо. Кровь капала на траву, растущую вдоль бетонного гроба. Мужчина обезумел от злости — он ненавидел эту избитую пьяную тварь, которая побеждала его своим покачиванием и улыбкой. Носок ботинка врезался в висок женщине. Ещё и ещё, быстро-быстро. Она застыла. А потом тихо и ровно опустилась на дно арыка. Мужчина плюнул в неё и ушёл.

— Нет, ты это видела?! — голос был полон восторга.

Я посмотрела на Илюху. Он застыл на том же месте, где его заметила Танька. Он тоже всё видел. Он остановился, потому что не хотел вмешиваться, втягиваться, участвовать. И за это я была ему безмерно благодарна. Танька что-то ещё кричала мне вслед. Она, конечно, не понимала, что гнало меня сейчас во всю прыть моих прекрасных ног домой — к письменному столу.

— Ты, он, кажись, её уходил, блин, на фиг! — Илюха кричал мне вслед. — Я мозги, кажись, вижу!

Я бежала и кивала головой. И улыбалась. Смотреть на мозги я не хотела. Я была переполнена одной-единственной мыслью: подглядеть жестокость — это такая удача! Здесь главное — композицию правильно выстроить.

Жили мы в новом районе. Трамвайные рельсы уже лежали. Ямы для столбов линии высоковольтных передач стояли,

как тёмные лунки в десне в ожидании коренного зуба. Люди месили грязь весной и осенью по пути из дома на работу и с работы домой. Люди утрамбовывали пыль летом по пути из дома на работу и с работы домой. И пили белое дешёвое вино, когда хоронили кого-то, когда провожали в армию кого-то, когда выдавали замуж кого-то.

Прекрасным грязным дождливым весенним вечером мы с мамой и папой гуляли на свадьбе каких-то людей в какой-то квартире в каком-то странном доме. Мне почему-то было грустно. Пространство от лестницы и лифта до расположенных в ряд дверей квартир называлось коридором, и был он общим. Основные телодвижения праздника проходили здесь под обжигающим ветром, потому что коридор был не застеклённый. Двум молодым людям явно не хватило здесь воздуха, иначе чего бы они ушли со свадьбы «подышать» на улицу. Их прекрасно было видно сверху: вот они стоят, вот подъехал «бобик», вот из него вывалились трое в форме, вот одного из друзей скрутили и попытались запихнуть в машину.

Ментам в тот вечер тоже, вероятно, было грустно, поэтому они решили выполнять свои прямые обязанности — обеспечить порядок и покой в новом районе. Их мало тревожило, что друзья со свадьбы просто болтали и курили. Их мало тревожило, что они пьяные, потому что со свадьбы. Их мало тревожило, что время восемь вечера и никакой тишины они не нарушали, несмотря на то, что они со свадьбы.

— Лезь, сука, в отделение поедем! — шипел первый, вы-

ворачивая руку парню.

— И разберёмся, разберёмся! — любовно приговаривал второй, методично пиная парня носком ботинка в голень.

— Рот закрой, тварь, — нехотя, но регулярно бросал через плечо третий. Он докуривал сигарету и был доволен процессом утрамбовки.

— Ээээй! — заревел восьмой этаж.

Менты задрали головы и увидели, что весеннее небо украшают тёмные шары, и расположены они в ряд — вдоль линии балкона. Менты усмехнулись и проигнорировали это необычное и в чём-то даже уникальное явление. Менты сглутили.

Второй парень подлетал к «бобику», чтобы отбить товарища, и отлетал от «бобика» на метр от удара третьего представителя власти. Прodelывал парень это очень быстро — подлетел, отлетел, поднялся. Раз за разом. Процесс затягивался.

Хлопнула дверь подъезда. Третий мент с ухмылкой обернулся.

Здесь нужна пауза.

Пауза.

А там бежала свадьба.

Менты, правильно оценив ситуацию, сразу прыгнули в «бобик» и дали газу. Свадьба была разочарована настолько, что рванула следом. «Бобик» пыхтел на кочках и взрывал лужи, обливая грязью пространство. Свадьба не сдавалась.

«Бобик» резко остановился. Менты рыбками забились в панике — они закрывали окна и с ужасом смотрели на приближение красивых, но злых людей. Тот, что был за рулём, отчаянно матерясь, пытался завести машину. Машина кашляла и ехать отказывалась. Окно тот, что был за рулём, не закрыл. Видимо, подумал, что не стоит, потому что свадьба дислоцировалась с другой стороны. А зря. Свадьба налетела на «бобик» как девятый вал и принялась раскачивать его длинно, с оттяжкой. Водитель уже почти вылез в окно — торс был на свободе, ноги в плену «бобика» — когда свадьба, тяжело ухнув, опрокинула-таки миниатюрную машинку набок. Водитель лежал на земле и смотрел на окруживших его гостей. Его разрубило пополам — не чётко и чисто, а как-то неопрятно, рвано. Он переводил взгляд то на растерянную невесту в белых по локоть перчатках, то на жениха, который нарядным платком вытирал потный лоб, то на меня. Я стояла и молила свою память сию секунду стать фотоаппаратом и щелкнуть дважды для надёжности это угасание зрачков. Трагическая случайность, косвенной участницей которой я стала! Рассказ получился охрененный.

Две недели я, как известный пушкинский скряга, дышала и млела над двумя своими рассказами. Потом решила, что надо действовать. Отправила первый рассказ в журнал. Объяснила, что это — трилогия, и второй рассказ на подходе. Объяснила, о чём каждая история. Ответ пришёл как Дед Мороз — красивый и внушительный, многообещающий. На-

печатали. Я выждала неделю и отправила второй рассказ. Напечатали и предупредили, что третьего ждут не позднее конца месяца. Наложили на меня обязательства сами, без спроса. Что меня очень порадовало.

Прошла неделя. Радости поубавилось, зато проснулась нервная система, которая начала атаку исподволь, вдоль и поперёк. Мозг грызла мысль: а третий? где третий-то? ты ж сама написала им план трилогии, дура! теперь вынь да положи историю убийства, дура!

С нервной системой я соглашалась, но вынуть и положить не могла. Вдобавок к этому Илюха присмотрел себе какую-то дылду на два года старше. Танька сообщила мне об этом перед первым уроком. А после четвёртого мы отправились посмотреть, как они сосутся за ящиком — так мы называли подстанцию около школы, которая удобно упиралась в чей-то бесхозный буйный огород. Сосались они долго. Таньке надоело ждать.

— Илюха, сучок, вылазь уже! — крикнула она над моим ухом без предупреждения.

Илюха, сучок, вылез. Лицо было довольное. Даму свою он оставил за ящиком. Выступил, так сказать, грудью против предполагаемого врага. План созрел мгновенно.

— Сегодня. В восемь. Около сада, — бросила я самым жёстким из своих голосов и ушла.

Мы сидели с Танькой на скамейке у первого подъезда.

Жильцы этого дома страдали. Жильцы этого дома не хотели жить рядом со школой. Но жильцы этого дома не могли перенести свой дом от школы подальше — как бы они того ни хотели.

— Он — козёл же, — без всякой интонации сказала Танька и выпустила дым.

— Он — козёл, — поддержала я беседу и тоже выпустила струю дыма.

— А чё в восемь? — лениво поинтересовалась Танька.

— Не знаю. Просто, — пожала я плечами.

Конечно, знала. Конечно, не просто.

В восемь часов около детского сада «Крылышки» мы с Илюхой страшно разругались. И сердце замирало у меня в груди раз двадцать, когда он замолкал и колупал ботинком землю. Я думала, что пора бы уже обидеться и уйти. Я думала, что я сделала всё, что нужно. Сейчас главное — не поддаться жалости и не вернуться на прежние позиции.

— Я не люблю тебя.

— Но почему? — рыдала я. — Ты говорил, что никогда не испытывал такого. Ты же сам говорил, что вообще никто так не нравился тебе!! Ты же говорил!!!..

И я захлёбывалась слезами по новой. Я и понятия не имела, сколько влаги уместается за моими глазными яблоками! Он смотрел на этот водопад как замороженный и не мог отвести глаз. Я думала, всё кончено.

— Я уйду. — Я перевела взгляд на соседний гараж, упёр-

лась в краткую ёмкую надпись. — Ты можешь забыть. Всё забыть. — Я выдержала замечательную паузу. — Я уйду.

И я пошла. Пошла прочь от соседнего гаража с краткой ёмкой надписью. Я спиной чувствовала его взгляд, я спиной видела его позу, ботинок, что продолжал колупать землю. Помню, на душе у меня стало удивительно светло, когда семь лет спустя я прочитала похожую сцену у Набокова. Он был кумиром заочно — просто я тогда ещё не знала, что кумир у меня уже есть.

Я уже перешла неширокую тротуарную дорожку. Я услышала наконец этого нестерпимо привлекательного и страшно грязного парня, который поражал навывлет своим дребезжащим на гальке, плюющимся бензином и чёрными облачками газа чудовищем с наклейкой «Карпаты». По этому парню можно было часы сверять. На этого парня можно было рассчитывать. За секунду до того, как он должен был вылететь из-за угла детского сада, я повернулась и посмотрела ещё раз поверх головы Илюхи на краткую ёмкую надпись на гараже. И отчаянно закричала:

— Я уйду!! Навсегда!! Если я тебе не нужна, мне незачем жить!!

Илюха рванулся ко мне, распахнув руки и сердце, обливаясь слезами, которые вмиг затопили его наивное лицо. «Карпаты» ударили его в бок, а потом переехали поперёк. Хруст был оглушительный и звонкий, как секунда. Я упала на колени и зарыдала: в кои-то веки расчёт оказался верным! — я

смогу, наконец, написать историю убийства. От первого лица.

1992 — Мой папа не умер

Позвонила баба Рая. Рыдая на весь дом, она сказала, что Дурик разбился. Мама рухнула на пол с трубкой в руке.

Я стояла в дверном проёме и точно знала, что сейчас к ней подлетать и обнимать за плечи не надо. Зашибёт горем. И вот я стояла и смотрела, как все слёзы мира заливают пол, поднимаются до моих колен, по плечи, — я уже отрешённо погрузилась в утопление, когда мама неожиданно зло и даже как-то бодро заорала:

— Мама! Ёб вашу мать!! Вы, блядь, охерели?!! Так он жив?!!

Мама швырнула трубку, стала глухой и вылетела из комнаты. Я рванула следом. Сейчас надо было повторять за ней. Мама натянула на себя юбку. Я быстро побежала в свою комнату за юбкой. Вернувшись в зал, я увидела, что мама достаёт из шкафа документы, неаккуратно суёт их в сумку и вот считает деньги.

Я поняла, что юбка мне не нужна. Я подошла к телефону. Я набрала номер маминой старшей сестры, которая жила через дорогу. Я сказала страшным шёпотом:

— Это я, твоя Маргоша. Ты, Нелличка, приходи скорей. Что-то страшное с каким-то Дуриком случилось. Баба Рая

звонила. А мама глухая сейчас.

Через пятнадцать минут Нелька барабанила в дверь. Мама продолжала быть глухой. Я открыла дверь. И пространство заорало Нелькиным голосом. Тут я и поняла, что несчастье случилось не с Дуриком, а с Юриком. То есть с сыном бабы Раи. То есть с тем моим папой, про которого мама не говорит. Вообще ничего — ни плохого, ни хорошего.

Этот мой папа был всем для моей мамы до тех пор, пока не появилась я. Я отодвинула его сначала в коридор, потом на улицу, потом в другой город. Этот мой папа в отчаянии бился о стены и заборы пьяной кудрявой головой и пытался вернуться на своё прежнее место. Но то, что принадлежало ему — пьяному или трезвому, безоговорочно и всегда, — теперь стало моим. Я была меньше. Я была лучше. Мама сделала выбор, а он не понял. Он думал — это временно, это пройдёт, мама одумается. И он продолжал пить, но уже на расстоянии, потому что мама не позволяла ему приближаться к нам. Впрочем, к «нам» приближаться он и не хотел. «Мы» были ему не интересны. Он вообще не понимал, что такое «мы», если основной составляющей этого «мы» не являлся он. А мама не хотела ему это объяснять. Не до того ей было. Всё время, внимание, всю её любовь, деньги, силы и жизнь забирала я.

В чём её и упрекала баба Рая, которая, когда папа женился на маме, бегала по старухам, обещавшим извести эту девку к чертям собачьим, а когда не бегала, пилила девку за всё, на

что падал её налитый кровью и ядом глаз. И вот теперь, когда солнце по имени Марго явилось в этот мир, баба Рая поняла, что девка ушла сама, что сын её остался один на один со своей гордыней, которая, будучи не в состоянии справиться с миром, на всю катушку эксплуатировала водку. Ещё баба Рая поняла, что внучка — это уже что-то, ну в смысле, что-то, из чего может выйти путёвое или путевое продолжение рода (кому бы он сдался?). Ещё баба Рая поняла, что девка, оказывается, смягчала её красивого сына, нажимала вовремя на нужные места, отчего сын вёл себя с матерью как сын. И бабе Рае внезапно стало недосуг бегать по бабкам, обещавшим извести девку к чертям собачьим, но слова, к счастью, не сдержавшим. Баба Рая принялась играть в бабушку, только рядом с бабой Катей ей делать было решительно нечего. Да и девка хорошо запомнила, что такое свекровь. Но баба Рая не сдавалась. Теперь у неё была высшая цель, заключающаяся не столько в том, чтобы вернуть девку сыну, сколько в том, чтобы девка не нашла себе кого другого.

О, эта баба Рая была та ещё баба Рая!! В пятьдесят четыре полных своих года собираясь к любовнику, она говорила, что идёт в магазин. Одевалась при нас же и, вынимая из старого шкафа новое бельё, на полном серьёзе, словно точно знала, что мама (поскольку меня в расчёт не брала) слабоумная, говорила:

— А вдруг под машину попаду по дороге! — мне ж в «Скорой» стыдно потом будет за старое бельё!

Мама, скрепя сердце, оставляла меня иногда с ночёвкой у неё. То ли это была отрыжка воспитания («она же её бабушка!»), то ли жест милосердия («она же всё одна да одна!»), то ли ещё какая-то высоконравственная херня. Но я, несмотря на множество моих собственных детских и весьма категоричных «но», оставалась в итоге довольна. Что об этом думала баба Рая, я без понятия. Также мне неизвестно, что она думала, когда смотрела на меня, важно восседающую за рулём дребезжащей гоночной машинки в парке аттракционов. Ещё я не знаю, что она подумала, когда я решила, «что сейчас будет карате», и поставила её в конце длиннющего коридорчика, и с разбегу засадила ей ногой в живот. Я, честно сказать, сама не знала, что я буду делать, когда приказала ей стоять и не шевелиться. И когда бежала по коридорчику, я тоже не знала, что пну её. Решение как-то само явилось за долю секунды до того момента, когда поднять ногу было бы поздно и осталось бы время только на то, чтобы вцепиться, раскрыв руки настежь, ей в живот и изо всех сил обнять мою одинокую, запутавшуюся в своей лжи и злости, обуреваемую любовью бабушку.

Дом родителей моего родителя был небольшой, но добротный. Хороший дом был. Его разделили глухой стеной на две части, когда баба Рая и дед Аркадий, которого на самом деле звали Александр, развелись. Пополам разделили забором и двор. И вот, приезжая в гости к бабе Рае, я не могла пойти к деду, потому что обидится бабушка! А не прийти

к деду было невозможно, потому что стыдно будет перед самой собой.

А вообще у меня был только один набор «бабушка-дедушка» — мамины родители. Его я считала настоящим. А второй набор, положенный каждой внучке и каждому внуку, был чем-то вроде брачка, который, конечно, можно не прятать, но и выставлять особо незачем. Его я считала запасным и очень надеялась, что он таким и останется.

Ну и детских миров тоже, соответственно, было два: Тезиковка, с её навеки низкими людьми, и Ц-6, район, где жили прекрасные весёлые люди-греки и прекрасные смуглые люди-евреи.

На Ц-6 был большой сад-огород, который мой дед создал своими руками, — предмет моей гордости и соседской зависти. Это был не пятачок земли, прилепленный к первому этажу, как у других. Он стоял отдельно в перешейке между двумя домами, он был неприлично раскинувшийся с двумя виноградниками, щедрой массивной черешней и непродолжительной дорожкой каких-то там цветов. Ещё были вишни — зло, которое несколько раз за лето загоняло всю нашу семью на ветки. И кусты смородины — ещё большее зло, потому что мы не лезли на ветки, а валились в грядки.

На Тезиковке был двор, становившийся моей собственностью, как только я входила. На Тезиковке жизнь текла по-другому — на первый взгляд, сонно, но на деле очень продуктивно. Можно было подумать обо всём важном, сидя под

виноградником. Можно было нырнуть в пустой подвал, где жили бетонные стены. Они давили со всех сторон: стоишь и с замиранием сердца ждёшь, когда барабанные перепонки запоют тонким голосом, а потом пулей вылетаешь на солнечный свет, и мир взрывается звуками.

Зато на Ц-6 были дети — разные развитые дети, которые всё и сразу мне рассказали: что любовь бывает голая, что она бывает между всеми, что мужчины бывают не только красивые, но ещё и потные, что женщины могут целоваться так же, как мужчины. Блин, да именно там мне и рассказали, что бывает Америка, которая разноцветная, бурлящая, в которой дети не похожи друг на друга, как у нас, и эти дети ходят в ярких кроссовках гулять и пинать грязный мяч, а не в парк с родителями по праздникам.

Такое двойственное детство было очень даже кстати. Если мир сам по себе делится на два, значит, точно так же можно поступить с чем угодно. И, наверное, с кем угодно тоже можно. Мысль эта гораздо позже оформилась в моей голове как сентенция, но корни её, определённо, напитали мои верные друзья-ощущения. Эти же друзья наполняли слово «папа» неким объёмом, который прятался внутри самого себя: то есть, я улавливала, что это что-то значимое, но — убей, блин! — не понимала, почему и зачем!

И вот этот мой папа, про которого мама ничего не говорила, уехал в Талимарджан — волшебная страна, где живут другие люди. Там он ездил на поезде по всяким делам и пил

водку. Так сказал его друг. И однажды, когда мой папа ехал на поезде и пил водку, он пошёл в тамбур, чтобы покурить, но вместо этого выпал из поезда. Его нашли на путях два дня спустя. Так сказал его друг. Когда протрезвел. Мама считала, что всё было по-другому. Баба Рая считала, что это не имеет значения. А Юрик орал. Только совсем не то, что хотел бы услышать следователь. Когда мама и баба Рая приехали в Талимарджан, в больницу, они сразу поняли, где искать папу. Они шли на вопли медсестёр и разъярённого врача, который что-то кричал, а что — неизвестно, потому что ни мама, ни баба Рая не знали узбекский язык.

Врач, несмотря на то, что перемещать Юрика было категорически нельзя, сказал:

— Забирайте.

Врач, несмотря на жесточайшую нехватку медикаментов и транспорта в этой дыре, выдал им в дорогу лекарства и шприцы и машину «УАЗ».

Врач перед отправкой посмотрел на маму и сказал:

— Помогай вам Всевышний.

И мама, которая не знала узбекский язык, его поняла.

Чужой поселился в доме. Он был чужим везде и во всём. Он был чужой, когда просыпался на диване, который ему поставили на балконе. Он был чужим, когда умывался над тазиком, который приносила ему мама на балкон.

Сидя в зале, я в проёме двери видела, как он протягивает

руку за книгой, за стаканом чая, за рюмкой водки. И запах! — самым чётким и сильным, самым захватническим был запах, который я никогда не забуду. Тоска так пахнет, и отчаяние так смердит, а ещё так воняет злость, и отшибает мозг бессильная жажда, утолить которую невозможно — сколько чая и водки ни выпей.

А потом дед привёз в дом коляску. И чужой стал потихоньку осваивать территорию. А территория эта была моей и маминой! И ничьей больше!

Мама водила меня в яблоневый сад. Осенью мы собирали самые большие листья, приносили их домой, разбрасывали и любовались домашним листопадом. А потом мы собирали эти пыльные, пахнущие городской осенью листья и ставили их в большой глиняный горшок. Он стоял прямо на полу, около занавесок. На них мы вешали особо красивые листья чинары, похожие на лапы доисторических животных. У нас вообще тогда мало что было в доме.

И вот теперь на этой территории появился захватчик. Оккупант. Враг. Он был такой красивый! Я смотрела на него, и у меня перехватывало дыхание: если он такой красивый, значит, я тоже такая. Оценить себя, глядя в зеркало, я тогда не могла. И потом, кстати, не научилась. Я видела себя всегда только глазами мамы. Она говорила, что я — необыкновенная. Ей казалось, что слово «красивая» не передаёт всего того, что есть я. И я была с ней согласна. Только увидев Юрика, я поняла, что слово «красивая» мне нравится. По-

настоящему нравится.

Но дружить с захватчиком я всё равно не хотела. Потому что из-за него мама стала бледная и грустная. Мама стала невидимка. Её не радовал мой сарафан в бубликах. Её не сместило моё упрямство, с которым я настаивала на носочках под цвет сарафану. Её не восхищали мои рисунки. И тогда я упала с качели. Я хотела всё вернуть на свои места.

После этого мама долго и каменно говорила с Юриком. Когда она вышла с балкона, который теперь принадлежал ему, я поняла по её лицу, что всё решено — как-то безвыходно и мрачно, но всё же решено. А это лучше, чем неопределённость, в которой мы зависли, как мухи в янтаре. Так говорила Нелька и вздыхала каждый раз. Мухи вырывались на свободу и вылетели в окно, одним взмахом своих огромных крыльев разбив здоровенное стекло. Дед пришёл и вставил новое. Потом тоже договорился с Юриком. Дед сморкался в свой клетчатый необъятный платок, когда выходил с балкона.

Потом пришла баба Рая, только договариваться она почему-то решила не с Юриком, а со мной. Чего-то она мне там жевала про жизнь и про то, что сейчас нам всем приходится очень сложно. Я её не слушала. Я смотрела на дверь, за которой была моя мама. Я вытягивала свои пока ещё тонкие шупальца туда в надежде наткнуться на её сердце и прочувствовать ошую, как же решён вопрос.

Всё оказалось очень просто. Юрик будет пить, потому что

хочет и потому что ему больше заняться нечем. Мама будет покупать ему водку, потому что больше от неё он ничего не хотел. Мир в доме, аист на крыше, ребёнок больше не падает с качели.

И никто-никто не спросил меня, а вот что я думаю по этому поводу!! А может, я хотела стать принцессой или лебедем?! А может, я хотела, чтобы мама снова стала мамой, а папа, наконец, стал папой?!

Ладно.

Не можете решить по-человечьи, будем решать по-моему.

Я знала, что пить плохо. Я знала, где стоят полкило — так папа, красиво усмехаясь в рыжий ус, называл бутылку водки. Я знала, что папа начнёт полкило, когда чуть стемнеет, а мама придёт с работы, когда чуть и ещё чуть стемнеет. Я добралась до бутылки первой. Не скажу, что было легко. Но и тяжело-то было только первые два глотка, а потом водка полилась в меня рекой.

Мама открыла дверь своим ключом. Посмотрела мельком в зеркало, отметила свою кислую мину, которая не должно быть такой, когда приходишь домой. Лёгкий резиновый шелест — и вот папа в конце коридора. Сидит и смотрит на маму. Прищурился — явно злится! — но такой стал сразу красивый.

— Зачем, малыш? Зачем прятать её от меня? Мы же с тобой вроде договорились. А?

Мама вздрогнула. Она смотрела на папу, и было понят-

но, что она тоже считает его красивым. Она устало сбросила туфли и прошла в комнату. Папа проехал за ней, хлопнул дверью.

Это был третий звонок, и занавес поднялся. Осторожно, по стеночке, по стеночке я дошла до закрытой двери, зацепилась за ручку и упала. То, что было потом, я не помню, но мама в общих чертах всё же рассказала. И потом много-много лет рассказывала — дозированно, аккуратно и всегда с выгодой для себя. Оказывается, я устроила концерт. Слово «претензия» мне было незнакомо, обиды не особо меня переполняли. Я просто хотела, чтобы всё было иначе. И единственный способ, пришедший мне на ум, стал самым верным.

Сутки я провела в реанимации. Количество алкоголя было критическим для такого маленького тела. Врачи не исключали вероятности, что выпишут из больницы овощ. Мелкий такой овощок. Ну или орех. Мелкий такой орешек.

Не так давно я узнала, что клубника — это вовсе и не ягода, даже близко не фрукт, ни на секунду не бахчевая культура, а самый обычный орех. Если быть совсем точной, то многоорешек. Мякоть — это цветоложе, а противные мелкие семечки — это орешки.

Меня, как всегда, вытащила мама. Я не знаю как, да и не рассказывал мне этого никто. Я просто знала, что это она взяла меня на руки и вынесла из черноты, ослепительной черноты с всепоглощающим запахом папы. То есть водки.

И вот сейчас, положила руку на своё чёрное нежное сердце,

я могу сказать, что вылаканные мной пол-литра водки в шестилетнем возрасте были озарением: всегда есть способ заставить людей поступить так, как ты того хочешь. И пусть он даже сопряжён с риском, и пусть он даже грозит пальчиком, — пофиг! им обязательно надо воспользоваться.

Мама была права: гены — это такая штука, с которой невозможно спорить и которую глупо оспаривать. Я была не просто умным ребёнком. Я была ребёнком с потрясающим чутьём мелкой мыши, которая не прошла на работу в лабораторию, потому что была шатенкой. И эта мышь бежала грёбаную стометровку по жизни так, словно в этом было её спасение и откровение. И так — каждый раз, каждые сто метров.

Если в двух словах, то маленькая пьяная в дымину я была жутко похожа на взрослого покалеченного пьяного в дымину отца. Это его испугало настолько, что он, как обычный гений, нашёл выход. Он стал для меня дурацким богом. Он сам себя так называл, и его улыбка чуть ироничная, чуть нежная, на губах (которые я старательно повторила) говорила о большом-большом значении именно слова «дурацкий». Это слово было как изумительный золотой венец средневекового короля в длиннющем плаще из тяжёлого мрачного бархата.

Дурацкий бог больше не пил. Он стал лучшим журналистом. Его статьи ждали в редакции и никогда не торопили. Только просили, униженно и заискивающе, уложиться в срок: «ну, вы же понимаете, вёрстка... ну, вы же сами знаете,

ещё на проверку надо отдать...».

Он ничего не мог делать. Физический труд, вроде вырезания фигурок из дерева, был ему скучен. Книги он читал в режиме «вдох-выдох». Телевизор он не любил — слишком много здоровых и сильных людей там показывали. То есть, у него не было выхода! — он должен был постоянно находить способ становиться всё лучше. Он выучил английский. Точнее, восстановил то, что старательно заливал водкой, и добавил солидную часть. Потом он решил, что английский должен стать моим вторым языком. Решил и начал. Правда, до логического конца не довёл. Но я благоразумно не остановилась и всё-таки получила второй язык в своё безраздельное пользование.

А ещё дурацкий бог говорил. Много и толково, язвительно и так глубоко, что иногда у меня перехватывало дыхание от восторга. Он говорил, что надо брать, даже когда не дают, особенно когда не дают. Но! — и это он не уставал вдавливать в мой мозг, — брать надо только тогда, когда ты этого действительно хочешь. Он годами создавал торнадо рукотворный, чтобы иметь возможность, уж коль сам не взвинтил эту землю до неба, полюбоваться полётом маленькой своей копии.

Я не доставила ему такой радости.

Также могу сказать, что те пол-литра были почётными первыми в бесконечной цепочке.

Юрик, как огромная книга, написанная в соавторстве

Мерлином и Морганой, раскрылся передо мной. Я получила то, что хотела. Этот самый первый раз, когда хочешь и получаешь, несмотря ни на что, был самым лёгким. Я не мучилась чувством вины и стыда. Мне просто было надо, и я нашла способ это получить.

— Я — дурацкий бог. Твой. Личный. Никому не говори об этом. Нельзя, понимаешь, — мягко и внушительно говорил он.

— А что мне с этого будет? — напряжённо спрашивала я.

— А будет тебе с этого всё, что пожелаешь.

— Врёшь? — уточняла я.

— Нет! — возмущался он. — У тебя будет всё, что пожелаешь. Если человек чего-то сильно хочет, он обязательно это получает. Так что, если ты что-то захотела, но не получила, это значит только одно, — и он замолкал, уставившись на меня в ожидании.

— Значит, ты не дал? — враждебно предполагала я.

— Нет, — он явно прятал улыбку в усах. — Это значит, что ты хотела плохо. Понарошку.

— Чего ты как маленький! — вскидывала я одну бровь.

— Понарошку взрослые не говорят.

— Это почему?

— Это потому, что сразу понятно, что они врут! — я просто задохнулась от возмущения.

Это же так просто! Так понятно! Дети потому так и говорят! Дети — это самые умные люди.

Он понимал меня даже не с полуслова или полувзгляда. Он просто понимал меня. Он знал и про качели, и про водку: в смысле, он знал, что я решила так решить все вопросы. Он уважал меня за стержень, — так он говорил. Он завидовал мне и моему стержню. Свой-то он поломал, как последний дурак. Зато теперь над моим трясся, как курица!

Он научил меня подлю врезать по голени тому, кто рискнёт повысить на меня голос. Он научил меня плавать, как лягушка, — вопреки отсутствию возможности продемонстрировать это самому. Он научил слышать запахи. Время абсолютного счастья, по моему мнению, стоило и разодранного подбородка, и реанимации, и уж тем более его поломанного позвоночника.

Мне было десять. Оставался ровно один час. Но я не знала об этом. Я сидела и смотрела на папины пальцы. Дурацкий бог лепил!

— Вот что ты лепишь?

— Вот зачем ты сказала «вот»? — усмехнулся Юрик.

— Не знаю, — пожала я плечами. — А чё?

— А зачем сказала «а чё»? — рассмеялся он.

Я тоже рассмеялась, — невозможно было не смеяться, если смеялся он.

Я сидела на полу перед невысоким столиком, на котором Юрик разложил пластилин. Я перебирала игральные карты — раскладывала их на полу по мастям. Я знала название каждой масти, но они не совпадали с тем, что было у меня

в голове. Юрик знал это.

— А это что? — кивнул он на кучку бубен. Он улыбался, потому что знал моё название. А сейчас просто хотел ещё раз его услышать.

— Это — печеньки, — важно сказала я, потому что знала, как ему нравится и название, и тон, которым я говорю.

— А какая самая любимая? — неожиданно спросил он.

— Вот эта, — ни секунды не раздумывая ответила я и ткнула пальцем в пики. — А что ты лепишь?

— Ты уже спрашивала. А почему пики?

— А это не пики, а чёрные сердечки. А ты не ответил потому что в первый раз.

Юрик поставил на край стола фигурку и посмотрел на меня.

Эту фигурку потом мама долго хранила в шкафу. Садко — богатый гость, немного похожий на Юрика. Пластилина рыжего цвета не бывает, а Юрик не был скульптором, но что-то, самое главное и нужное, он смог передать. Оставалось сорок минут.

— Как думаешь, у него чёрное сердечко? — кивнул Юрик с улыбкой на Садко.

— Конечно! — воскликнула я. — Красивые люди всегда с чёрными сердечками!

Юрик засмеялся, махнул мне рукой, и я мигом подкатилась к его ногам. Он погладил меня по голове. Рука была большая и тёплая.

— Почему ты думаешь, что красивые люди плохие?

Я возмутилась. Вскочила на колени и уставилась на него, и упёрлась руками в бока.

— Чего это красивые люди плохие?! Это кто тебе сказал?!

— Ты! Ты сказала, что красивые люди всегда с чёрными сердечками!

— И что?! Чёрные сердечки значит плохие, что ли?! — я прищурилась, как он, и сказала, как он: — По-твоему, чёрный цвет — плохой?!

Боже, как он смеялся! — изнутри и вовне шёл этот смех, и если изнутри он начинался с гордости, то вовне он попадал уже преображённым любовью и радостью за себя, за свою природу, за торжество жизни.

Мне не дано было понять этого — детей у меня не было. Но на примере знакомцев, которые на протяжении всей моей жизни нещадно драли мою манеру речи и поведения, которые, как мартышки, вечно хватали мои слова и выражения, и только с тем, чтобы иметь наглость ответить мне моими же интонациями, моей же расстановкой слов (и их выбором, кстати!) во фразе, — я знала, как это ошеломляет. Будто смотришь в кривое зеркало. Но Юрий смотрел не в кривое зеркало. Я была его дочерью. Я была его частичкой.

Оставалось тридцать минут.

Я выдержала паузу, хотела продолжить, потому что не было ничего слаще, чем показывать именно ему, как я умна.

— Как ты похожа на маму, — неожиданно сказал он.

Я онемела.

— Никогда, слышишь, никогда её не обижай, — строго сказал он.

— А я и не обижаю! — возмутилась я.

— А кто с качели упал? — возмутился Юрик.

— Ага! А кто с поезда свалился?! — закричала я.

Юрик открыл рот, чтобы ответить, но не ответил. Он бросил в меня Садко, богатого гостя. Я быстро подобрала его и бросила назад. Юрик ловко отклонился в сторону, и Садко, богатый гость, вцепился в стену.

— Дочь, ну подними его! — сказал папа.

Я подняла, протянула ему фигурку.

Он молча взял, даже глаз на меня не поднял.

— Я подвёл тебя? — спросил он, всё так же не поднимая глаз.

— Нет, папа, — ответила я, и это была правда.

Времени оставалось в обрез.

Мама позвонила в дверь. И я помчалась открывать. Мама вошла в дом как весна — молодая и душистая. Я забрала у неё пакет и пошла на кухню. Мама, сияя неизвестно кому адресованной улыбкой, глянула на себя в зеркало. Улыбка тут же убежала, и мама пошла в зал. Мама вошла в зал, а через минуту она пришла ко мне на кухню и сказала:

— Иди погуляй.

— Но, мама, — ответила я, роясь в принесённом пакете, — ты что, не видишь, я продукты разбираю!

— Умничка моя, — улыбнулась мама. — Иди погуляй.
Третий раз был бы лишним, и меня сдуло ветром.

Во дворе через минут пятнадцать-двадцать ко мне подошла Нелька. Она сказала, что шла мимо. Она сказала, что забыла что-то купить в магазине. Она сказала, что сегодня, оказывается, обязательно надо поехать к бабе Кате, потому что там дед что-то новенькое сотворил в огороде. Она гордо шла на большой скорости. И я это сразу почуяла, но поскольку тогда не могла с ходу отделять зёрна от плевел, послушно дала себя увести.

Дурацкий бог удалился в райские кущи, сияя своей безумно красивой улыбкой. Он показал наглядно, как надо поступать, чтобы достичь желаемого. Он доказал, что ни возраст, ни статус тех, кто нечаянно попал в радиус действия атомной бомбы, не имеет значения, а следовательно, к рассмотрению не принимается. Он утвердил своё право на существование, забравшись в моё сердечко, подмяв его под себя, окутав собой, а потом бросил. Но не из ненависти или неприязни ко мне, а из любви к маме. Теперь уже неразделённой любви. Дурацкий бог слишком хорошо знал жизнь, чтобы тешить себя обманом, и слишком уважал маму, чтобы запира́ть на замок. По крайней мере, открыто. Но исподтишка и навеки можно было сделать то, чего ему так хотелось. Так не доставшись же ты никому! — воскликнул один варвар, а второй с ним согласился.

Дурацкий бог выпил волшебную таблетку. Прямо как в

американском кино про шпионов. И не надо меня спрашивать, где он ее взял.

Дурацкий бог бросил меня во второй раз.

Дурацкий бог не смог вынести того, что мама его больше не любит.

Блин, я бы тоже не смогла.

Руины, обломки, осколки любви лежали в доме. Они стали частью интерьера. Нужно было просто не наткнуться на них, не спотыкаться о них, и тогда края ран не расходились в стороны. Потребовалось совсем немного времени, чтобы к ним все привыкли. Все, кроме меня.

Я очень чётко помнила один рассказ.

Он и она поругались — навсегда и навеки. Он ушёл играть в футбол. Она пошла по городу бродить и думать. На каком-то перекрёстке ей подмигнул красным глазом светофор, и она помчалась на стадион «Старт». Она стояла, тяжело дыша, на высокой горке, глядя на него, бегающего внизу по полю туда-сюда. Она стояла и ждала. Он внезапно остановился и повернул голову в сторону холма. Он увидел её и сорвался с места, как гоночный заяц. Она полетела вниз. «Не глядя и не разбирая, куда нога ступает в этом беге». Она не помнит, как долетела до его рук. Он не знает, как она оказалась целой и невредимой. На холме росла зелёная трава. Время было ограничено. Они оба задохнулись бы, если бы не поймали друг друга. Они успели.

О, как часто и долго я прописывала эту сцену! как часто

видела её перед глазами! И никогда, никогда не была я довольна результатом — слова, на которые я полагалась, слова, любить и уважать которые научил меня Юрик, не передавали всего того, что я видела, когда вспоминала мамин рассказ.

Чуть позже я поняла, почему слова не могут справиться с двумя вещами — с любовью и с идеальной пронзительной любовью. Вот так меня отравили. Я искала любовь и нашла её там, где искать надо было с самого начала. Я есть любовь.

И кто сможет сказать, что я говно, теперь, зная всё? Какой я должна была стать, если не такой, какой стала? Ни капли стыда и ни грамма боли за то светлое, что во мне было да сплыло, я не испытываю. У меня было много — мама. У меня было всё — мама и папа. А потом, как только я попробовала, разжевала первый кусочек этого пирога, у меня осталась только сухая нежная корочка, которую трогать было нельзя, которую надо было беречь как зеницу ока, потому что кроме неё, кроме мамы моей, у меня уже ничего не было и быть не обещалось.

Если бы я была идиоткой, помешанной на морали, заповедях и правилах поведения с себе подобными, я обязательно написала бы роман, в котором старательно изложила бы все факторы моего сложного детства, приведшие к ярко выраженной социопатии.

Я, к счастью, другая. Я — как мой папа.

Мы не оправдываемся и не сожалеем. Мы живём.

— Со мной в палате лежала одна. Плохо говорила по-русски. Молодая такая. Рожать боялась. И так странно за рукава медсестру дёргала, как будто у неё самой руки были испачканы, и она боялась халат испортить.

Когда мама рассказывала, она смотрела обычно в окно, на дерево, находящееся, как это ни странно, в прямой зависимости от маминого настроения, а не от господствующего сезона.

Рожала меня мама долго и упорно. Чуть позже в родзал привезли еще одну роженицу. Уж не знаю, кризис в роддоме был или как, но это были двойные роды. Правда, роженицами занимались два набора акушерок и врачей — по одному на каждую. Мама отстрелялась первой. И, уже прижимая меня к себе, мама услышала вопль. Она сказала, вопль был страшный. Акушерка бросила взгляд через плечо и быстро подвинулась так, чтобы своим телом закрыть от моей мамы то, что кричало. Но мама всё равно успела увидеть.

У младенца, родившегося после меня, было две головы. Так с первого взгляда показалось маме. Потом, вспоминая, она пыталась это объяснить, ведь картинка периодически всплывала перед её глазами. Но объяснения так и не нашлось. А увидела она младенца с головой положенного размера — одна голова, одна шея. Только немного левее родничка на голове была огромная шишка, очень похожая на ещё одну головёнку, которая, не утерпев, вылезла-таки наружу, чтобы посмотреть на мир. Мама сказала, что крики той

несчастной матери звенели сутки в роддоме. Она просила унести, унести это, даже тогда, когда это уже унесли.

Моя же мама, прижимая к себе свою ненаглядную Марго, думала, гадала и истово молилась, чтобы это не было относящимся к ней и к её ребёнку событием, чтобы это не было предназначенным нам знаком и вестником беды. Позже, когда ненаглядная Марго начала проявлять свой недюжинный ум и мускулистую гибкую фантазию, мама стала рассматривать этот роддомовский знак иначе.

И только когда мне исполнилось двадцать два (две самостоятельно снятые короткометражки и куча всякого написанного), мама рассказала мне про знамение: по мнению мамы, теперь уже толковалось оно просто — я умнее умных, у меня в одной голове ума на двоих.

— Когда ты родилась, все деревья были в цвету. Было жарко. Лёлька, твоя тетя, приехала ко мне в роддом в лёгкой кофточке. А я куталась в халат. А вот когда выписывали, шёл снег. Так вот...

«Так вот...» — мама не захотела закончить фразу.

Да и не надо было.

Так вот и в жизни — в моей конкретно жизни.

Цветы на деревьях может прибить снег. Весна может ворваться без предупреждения с летней жарой в обнимку. Дети в шесть лет могут выпить пол-литра водки. Младенцы с двумя головами живут два часа ровно. А Марго с одной головой на целую вечность дольше.

2002 — Детки в клетке

Я стояла на сцене и слушала, как звучит моё имя. Потрясающее ощущение! Я подумала, что если бы дурацкий бог не наглотался таблеток и прикатил бы сюда в своей коляске, я бы сказала ему: встань и иди! — и он бы встал и пошёл. Сила, которая билась во мне и вокруг меня, — эту силу во мне поселил он, а потом ушёл, как последняя сволочь, оставив меня с ясным осознанием своей величины и полным незнанием, что теперь с этим делать. Он бросил меня во второй раз. И если первый раз я ему простила сразу, то второго не забуду и не прощу ни в этой жизни, ни во всех последующих. Нельзя рассказать, как это прекрасно — летать, — и сдохнуть. Нельзя убедить в том, что летать ты можешь по праву, данному тебе от рождения, и окочуриться. Нельзя убедить человека, что гореть ярким пламенем, обжигающим сетчатку серого большинства, это единственно ценное занятие на этой земле, — и смыться на два метра под землю. Он не прочитал моих рассказов. И он не держал меня за руку, когда следовательно раз за разом задавал мне один и тот же вопрос.

— Вы сказали, что мотоцикл выскочил из-за поворота внезапно.

— Да.

— Вы сказали, что Илья Первинов уже двигался по тротуару.

— Да.

— Вы сказали, что он побежал к вам.

— Да.

— Потому что вы, цитирую, подвернули ногу и упали.

— Да.

— Отлично, — он едва сдерживал довольную улыбку.

Я понимала, что в этой плешивой голове сидит какая-то мыслишка, которую он придумал и каждый вечер обсуждает за ужином со своей толстой женой в халате в цветочек. Я понимала, что он сейчас чувствует себя молодым ковбоем, который ловко кинул лассо и вот уже тянет своими мускулистыми загорелыми руками непокорную дикую кобылку к себе. Я понимала, что все вокруг дебилы и тупицы.

— Тогда почему мотоциклист, — он заглянул для подчеркивания важности момента в материалы дела, — Андрей Ежов, сказал, что вы стояли и смотрели, как пострадавший бежит?

Он уставился на меня, и в глазах его плескалось детское веселье. Жвачку «Педро» он получил, а!

— Может, потому что он — наркоман? — я пожала плечами.

Мне с трудом давалось то детское спокойствие и наивность, которыми я, по идее, должна была быть переполнена. Следовательно мне не верил. Я подозреваю, что у него есть дочь и она такая же сволочь, как я. Только она ведёт себя плохо открыто: она доводит отца, который трясёт омерзи-

тельной голой толстой грудью и погонями над старыми домашними трениками и кричит, что он — служитель закона!! Дочери похрен. Она ненавидит отца за его омерзительную голую толстую грудь, и за старые треники, и за то, что у матери в голове остались одни борщи и телевизор — вечный друг унылых и убогих. Я, конечно, преувеличиваю. Точнее, сочиняю. Но ведь что-то в этом следователе даёт моей фантазии так разыграться!!

— Так вы утверждаете, что Андрей Ежов наркоман? — следователь сам не знал, что именно его больше радует: то, что он сейчас в новую ловушку меня загонит, или то, что я, оказывается, ещё более мерзкая, чем его дочь.

Нет, ну вот далась мне та мифическая дочь!

Я снова пожала плечами.

— Знаете, на квартале есть места, куда я, например, не хожу. И Илюша не ходил. И вообще, ни один мой знакомый и ни одна моя подружка не ходит. Там, знаете, ещё хуже, чем около овощного.

Следователь знал, что «овощным» называют место встречи всех алкоголиков квартала. Собираются они там потому, что дверь в дверь с овощным магазином находится винно-водочный, но точка всё равно называется «овощной». Загадка!

У следователя заметно зачесались руки.

— Так вы можете сказать с уверенностью, что знаете, где собираются наркоманы на вашем квартале?

— Да вы что?! — я сделала большие глаза. — Откуда мне

знать, где они на самом деле собираются?! Я просто сказала, что есть места, куда мы не ходим. Вот и всё. А то, что этот, как его, короче, мотоциклист — наркоман, все знают. У кого угодно спросите!

Следователь отцепился, когда в кабинет заглянула мама и сказала «Всё». Сказала она это так, что следователь понял: или кончится сейчас мой допрос, или кончится его жизнь с толстой женой и мерзавкой-дочерью.

Мне дали премию от журнала как самому юному и яркому автору года. Я светилась. Мама гордилась. Бабуля кивала головой: по её мнению, иначе и быть не могло. Баба Катя вообще никогда не сомневалась во мне. В отличие от бабы Раи.

Именно к бабе Кате я и пошла со своей бредовой идеей. Просто когда я слышала, как мне хлопают, смеются и радуются, как дети, учителя и выпускники, посмотревшие только что перформанс, посвящённый школьной развесёлой жизни, придуманный и поставленный, и частично сыгранный мной, — идея, которая, как почка, набухала во мне последние полгода, наконец развернула свой ярко-зелёный клейкий нежный листочек.

— Я хочу быть актрисой, — твёрдо сказала я.

Примерно так звучит выстрел сигнального пистолета, обозначающий, что забег начался. Спортсмены рванули с места, мышцы исправно начали сокращаться в положенном ритме, железы вырабатывают адреналин, поры кожи выделяют пот, а пыль и микроскопические камушки летят в фото-

графов, которые в погоне за исключительным кадром улеглись вдоль беговой дорожки.

— Делать нечего! Чего придумала?!

— Блядью стать хочешь?!

— Где?! В Москве?!

— А давай мы тебя сразу просто убьём здесь — и дело с концом? Чего тянуть-то?!

— Ты такая умная девочка! Такая красивая! Что ты там в этой Москве забыла?

— Да как ты вообще думаешь выжить в большом городе?! Чужом городе!!

— Ты же домашняя курочка! Ты вообще представляешь себе жизнь в общежитии?

Нет, конечно! И при чём здесь вообще общежитие? Кажется, господа родственники не понимают. Во-первых, никаких общежитий: я действительно домашняя курочка. Во-вторых, в чужом городе жить в одиночестве — это, извините, не мой фасон. Не приучены мы к такому, да-с. Я всем так прямо и выложила оба пункта.

И тут всех включило — все неожиданно и резко поняли, о чём на самом деле я веду речь. Семья начала орать на все голоса.

Но Марго всегда была внимательным ребёнком. Она смотрела и делала выводы, и запоминала, и сравнивала ситуации, потом сравнивала их исходы, и вновь складывала факты в свою замечательную коробочку. Марго знала, что ахи и охи

родственников абсолютно ничего не значат. Баба Катя решает сама. Убедить её в чём-то было невозможно. Переубедить её, когда решение уже принято, было занятием для круглого дурака. Короче, мне надо было помолчать и подождать. Баба Катя думала.

Когда она думала, она пекла, ходила платить по счетам за коммунальные услуги, шила новые пододеяльники, болтала вечером с соседками на скамейке у подъезда, обязательно читала молитву перед сном. Каждый день у неё был план. И неважно, что думали по поводу её дел другие. Важно, что план до обеда должен был иметь по галочке напротив каждого пункта.

Баба Катя была матриархом. Мне не стыдно перед дедом за эти слова. В конце концов, так оно и бывает: если женщина встречает мужчину, у которого есть стержень, всё остальное не имеет значения. Эта женщина свернёт горы, даже если её муж со стержнем будет пить до безобразия.

Дед наш до безобразия не пил. Когда ему было семнадцать, он выбрал армию как альтернативу гражданской жизни, полной воровской братии, где по малолетству ему было не то чтобы легко, но не трудно. Трудно стало, когда подросток превратился в юношу. Этот юноша выправил себе документы, судя по которым призывного возраста он уже достиг. Что, к слову, на долгие-долгие годы внесло путаницу в семейные празднования его дня рождения.

— В армии, — сказал как-то дед, — кормили.

Перед самым дембелем международное положение обострилось и осложнилось, и вместо увольнения из армии отправился дед напрямиком на фронт — в Забайкальский округ, где были японцы, снаряды и пытки.

Возвращался дед с войны в своё родное Поволжье неизвестно к кому и зачем. Он же не знал, что там живёт Катя!

— А ты женись на мне, Василий! — говорила она, бойко поглядывая на деда.

— Да как же я на тебе женюсь? Ты, смотри, какая маленькая! Вон, до выключателя не достаёшь! — отшучивался дед.

Катя сноровисто ставила табуретку к стене и, взлетев на неё, щёлкала выключателем до тех пор, пока Василий не начинал смеяться. В общем, отдал дед молоденькой девчонке руку, сердце, испорченный беспризорным детством и войной характер. Чуть позже дал первую дочку. Потом подумал и выдал вторую. Потом подумал в последний раз, и получилась моя мама. Дед был доволен: всё, чего от него ждали, о чём говорили, было сделано. И он с лёгким сердцем передал под покровом ночи бразды правления той Кате, которая готова была взлететь на табуретку по первому слову. Никто из них — ни он, ни она — ни разу об этом не пожалели.

Спустя два дня баба Катя решила в мою пользу.

О, она была очень умная! Нет, она была вселенски мудрая. Она быстро подняла какие-то записи в своих чудесных, растрёпанных, из отдельных листочков состоящих блокнотах. Позвонила в Москву кому-то и, как лисица, долго пела

и улыбалась в трубку, глядя на себя в зеркало. Не сразу, но я поняла, почему телефон стоит на трюмо: говорить с собеседником, который тебя не видит, и смотреть на себя в зеркало — это нереальное удовольствие.

Поехали мы на поезде. Мне мечтался самолёт и стервозные стюардессы в колготках и морщинках. Но главное правило бабули гласило: не надо тратить больше. И не только тогда, когда можно потратить меньше. Не надо тратить больше. Точка.

Мы приехали на бесцветный вокзал, наполненный совершенно истёртыми людьми. Сновали туда-сюда все. На лицах описаны в подробностях все сорок лет хождения Моисея с его племенем по пустыне. Нет счастливых лиц, нет радостных лиц. И только одно — сияющее как медный таз, лупящее во все стороны своими надеждами, наводя на мысль об идиотизме. Конечно, это было моё лицо. Амбиции — это зло. Мне это предстояло понять.

Мы переночевали у знакомой бабули. А наутро пошли оформляться в квартиру какой-то родственницы знакомой бабули. Это вам не мыканье по квартирам и подворотням в лучших традициях богемы (что за слово?!). Домашней курочке — домашний уют! Вот девиз на все времена.

Расчёт бабули был верный, и если бы я взяла на себя труд хоть чуть-чуть подумать, я бы и сама догадалась, как будет протекать моя жизнь в ближайшие пять лет. Документы подали в театральное училище имени кого-то, а ещё — ну на

всякий случай! — в университет, конечно же, на филологический. В театральном училище имени кого-то я увидела такое количество личностей, основным занятием которых было самоукрашательство, что даже растерялась. Я знаю, что себя надо выделять. И в первую очередь внешне. Но это буйство красок и вариантов, это буйство буйнопомешанных было фантасмагорией: как будто Большой театр дал стрекача из зоны военных действий и единственным взятым с собой добром было содержимое костюмерной. Ощущение дня открытых дверей, окон, объятий и сдвига точки сборки в дальние невозвратные дали — вот что такое день первого тура. На том и кончилось. Потому что я, как и следовало ожидать, вошла в аудиторию с презрительной миной, сквозь зубы прочитала обожаемого Кузмина («...не у окна я сидела, не у окна...»). Чуть подняла правый уголок рта в качестве прощания. И вышла. Больше я туда не ходила.

Я испугалась не людей, смотревших на меня, уже уставших от таких, как я, с ужасом ждущих тошного чуда среди толпы попугайчиков. Я испугалась той жизни, которая встала у меня перед глазами в ту же секунду, как я вошла во двор училища. Вся она, моя прекрасная жизнь, будет полна вот таких вот недоразумений, которые и сейчас уже пьют без просыха, потому что иначе никак. А ещё жадно смотрят друг на друга, но не потому что в поиске, а потому что пытаются вычислить — кто же из вас, тварей, меня обойдёт?

— Не хочу я так, — сказала я бабуле.

— Завтра экзамен. Сочинение, — ответила мне баба Катя.

По её лицу я видела, что она довольна. Чуйка, так называл это дед, и в этот раз её не подвела.

Бабуля быстро завела себе знакомых в доме, где мы снимали квартиру. Её общительность и терпеливость не могли не подкупать. Она прощупала почву, отделила рассаду от сорняков и решила дружить с тётей Милой, которая жила на первом этаже.

Тётя Мила почему-то считала себя домкомом, знала всё про жильцов этого дома и трёх домов в Америке, штат Оклахома. Тётя Мила знала всё про одно симпатичное кладбище, где покоились люди не знаменитые и не богатые, но места всё равно стоили больших денег. Тётя Мила ведала погодой и была настоящей чёрной дырой. В неё уходило всё — бабулины пирожки, регулярно присылаемые нам курт и курага, моя старая одежда.

По приезде, точнее, переезде бабуля сразу сказала, что надо прибарахлиться. Что мы и сделали по моему вкусу, загнанному в Бюджет. Слово это было молитвенным, и забывать его было нельзя, о нём надо было осторожно спрашивать — не першит ли у него с утра горлышко? — и улыбаться.

Как же я жалею, что характер мне выдали с другой стороны родового древа! Расточительность при отсутствии статьи дохода, невытравляемое жизнью желание иметь бесполезные вещи, пагубная тяга к пусканию пыли прямо в глазные ябло-

ки людей, которые никогда мне не пригодятся, — это примерный перечень черт, с которыми я живу. У бабы Кати всё было наоборот: понятия «нет денег» не существовало. Они были всегда, и всегда только на дело.

Сочинение я писала так, что смотрящие за абитуриентами преподаватели по очереди ходили его читать, подхватывая с пылу с жару каждую новую строчку, что лилась из-под моей ручки. Сочинение вошло в анналы — и кто бы знал, что это значит! Тем не менее, мне сразу было сказано, что академическим филологом мне не стать. Говорилось это с сожалением, и я понимала, что надо хотя бы досаду изобразить на лице, чтобы скрыть своё безразличие. Только одна преподавательница это видела.

— А девочке насрать, — нежным голосом обронила Анастасия Петровна.

Настенька — так звали её и студенты, и преподаватели. И столько иронии было в этом уменьшительно-ласкательном, очень русском и сказочном имени! И внешность Настеньки соответствовала имени: была она вся такая розово-фарфоровая и хрупко-кукольная!

Настенька была законченная стерва. Она любила деньги, интриги, мужиков и водку. Умна была, как весь факультет этих одиноких баб вместе взятых. Она сразу поняла, что меня можно и нужно использовать. Здесь учились и те, кому учёба заменяла всё, и те, кому откровенно говоря, нужна была корочка. Настенька брала заказы и раздавала их тем,

кто в состоянии был выполнить работу. Полк университетских негров имел свои подразделения. Негры на «удовлетворительно» были низкооплачиваемыми, но они и не потели, когда строчили курсачи. Негров на «отлично» было пятеро. Через месяц они перешли в подразделение «хорошо», а подразделение «удовлетворительно» было упразднено. Конечно, из-за меня.

Под покровительством Настеньки было классно: я не училась — по большому счёту и в принципе. Я работала. Писала постоянно и регулярно на выданном мне толстеньком ноутбуке.

Бабе Кате врать не имело смысла, поэтому я сразу ввела её в курс дела.

— Так. И тебе это нравится? — нейтральным тоном спросила бабуля.

— Ну, в принципе, да, — нейтральным тоном ответила я.

— Давай по-другому, — решительно приступила бабуля.

Я была готова.

— Значит, по оценкам у тебя всё хорошо?

— Нет, — улыбнулась я. — По оценкам у меня всё отлично. Ты же ежемесячно стипендию у меня принимаешь!

— Значит, никто не знает? — продолжала допрос бабуля.

— Ну как же — никто? — усмехнулась я. — Те, кто платят, знают. А остальных — в жопу. Настенька так сказала.

— Во-первых, давай без жопы, — поморщилась бабуля.

— А во-вторых, мне надо встретиться с этой твоей Настень-

кой, — и она снова поморщилась.

Настенька пришла к нам на чай, но пили они с бабулей коньяк. И вот что я услышала, сидя за стенкой перед выключенным телевизором.

— Вам совершенно не о чем волноваться, Екатерина Константиновна. Я так поняла, вы — человек рассудительный и внучку любите, — Настенька усмехнулась. — Я бы даже сказала, души в ней не чаєте.

— Марго такая одна. А ведь у меня четверо внуков.

Настенька мелодично засмеялась.

— Я так и думала!

Последовал звон рюмок.

— Я работаю в университете с семидесятого.

Ох, ни хера себе! — это ж сколько лет этой Настеньке? Или её успели вовремя забальзамировать?

— Такие, как Марго, встречаются крайне редко. Всё, что дают на лекциях, ей не нужно. А вот деньги она зарабатывать может. У меня на эту девочку вообще большие планы.

— Выкладывай, — видимо, бабуля уже дошла до стадии низложения норм приличия.

— Ну, во-первых, — приступила к выкладыванию Настенька, — диплома с отличием не будет.

— Это почему же? — грозно спросила бабуля.

—хлопотно, — лениво ответила Настенька. — И дорого. А вам, — усмехнулась она, — я так понимаю, дорого не подходит. Вам, я так понимаю, уже здесь квартиру хочется.

— А зачем Маргошке возвращаться? — усмехнулась и бабуля. — Не для того я её сюда везла. Как только с жильём вопрос решу, уеду. А ей — здесь место.

— Согласна. — Последовал звон рюмок. — А вот по окончании учёбы мы напишем книгу.

Мы? — какой интересный поворот сюжета! Да Настенька ничего длиннее своей подписи в зачётке уже много лет не писала.

— Мы? — бабуля за стенкой тоже отлично это услышала и встала, как Цербер, на защиту моих интересов.

— Ну а как же? — нахально засмеялась Настенька. — Книгу надо издать. А чтобы её издать, нужно иметь имя. А вот имени у Марго пока нет. Я буду её танком. Вторая книга пойдёт только под её именем. За вторую книгу можно и премию получить. — И она с чувством закончила: — Девочка и-зу-ми-тель-но перспективная!!

Последовал прочувствованный звон рюмок. Потом звон перерос в постоянный набат. Потом я готовила им отбивные, стараясь не смотреть в их сторону, чтобы не заржать. Потом бабуля затыкнула «Для нашей Чилиты все двери открыты!», а Настенька с ходу подхватила, что утвердило меня в мысли о процедуре бальзамирования, которую тайком прошла Настенька. Потом вызванный таксист вынужден был подняться, чтобы снести тело Настеньки вниз. Потом бабуля захотела чаю.

— Путёвая, — начала уставшая бабуля. — И нужная, —

заклЮчила она.

Бабуля работала на том симпатичном кладбище, информацией о котором владела тётя Мила. Что там делала баба Катя, я до поры не знала. Я знала только, что могла попросить у бабули что угодно, и, если это совпадало с её планом на день, я получала желаемое. Ещё я могла сказать, что тётя Мила ежемесячно сама поднималась к нам на пятый этаж и уходила очень довольная жизнью и бабулей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.